

ГЛАВА VII.

Мы обозрѣли различныя направленія въ логикѣ,—направленія въ этой наукѣ, какъ таковыя обыкновенно раздѣляютъ. Мы познакомились съ направленіемъ формальнымъ въ двухъ его подраздѣленіяхъ—на «формальное, въ болѣе широкомъ», и «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова», остановились на логикѣ метафизической, логикѣ индуктивной и, наконецъ, математической (за этимъ послѣднимъ направленіемъ, правда, не укрѣпилось, быть можетъ, названіе «направленія»). Разсматривая разныя теченія въ нашей наукѣ, мы преслѣдовали опредѣленную цѣль. Мы не обращали вниманія на то, какъ разрабатываютъ ту или другую логическую теорію, тотъ или другой отдѣлъ науки логики различные мыслители и ученые. Мы только стремились опредѣлить, какъ вообще смотрятъ на логику представители разныхъ направленій, въ чемъ видятъ они основныя задачи нашей науки. При этомъ мы старались выяснить отношеніе одного направленія къ другому, не выходя и здѣсь изъ напередъ намѣченныхъ границъ: мы говорили объ отношеніи между различными направленіями, игнорируя частности и имѣя въ виду лишь общій взглядъ представителей каждаго даннаго направленія на нашу науку и ея задачи; мы заботились только о томъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ задачи науки логики, какъ ставятъ дѣло приверженцы одного направленія, отличаются отъ основныхъ задачъ этой науки, какъ ихъ понимаютъ послѣдователи другаго. Логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», стремится, видѣли мы, указать особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, при психологически однородныхъ

процессахъ. Направленіе «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ», преслѣдуетъ такія-же основныя задачи. Приверженцы его также хотятъ опредѣлить особенности нормальной мысли. Но они при этомъ принимаютъ иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», признаетъ за нормальную такую работу мысли, при которой мы приходимъ къ познанію истины (или, по крайней мѣрѣ, не уклоняемся отъ «матеріальной правды»). Представители направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», называютъ нормальной мысль нашу, если таковая согласна сама съ собою,—мысль послѣдовательную. Какъ мы видѣли, логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», также должна требовать, чтобы наша мысль была вѣрна себѣ, послѣдовательна. Но это—лишь *одно* изъ ея требованій. И вотъ, оказывается, что логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», представляетъ ничто иное, какъ нѣкоторую часть логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», причемъ, правда, эта часть, обратившись въ самостоятельную науку, принимаетъ нѣсколько своеобразный характеръ. Логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», разсуждаетъ о послѣдовательности и непослѣдовательности въ мысли,—но разсуждаетъ объ этомъ въ виду того, что мысль непослѣдовательная не можетъ привести насъ къ познанію истины. Между тѣмъ представители направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», лишь о томъ и заботятся, чтобы мысль наша была послѣдовательна. Не нарушать въ мысли послѣдовательности для насъ, по ихъ мнѣнію, непосредственно важно, и вопроса о томъ, какое значеніе послѣдовательность въ мысли можетъ имѣть не-непосредственно, не сама по себѣ, они не касаются вовсе. Метафизическая логика оставляетъ задачи, которыя стремится выполнить каждый изъ представителей направленія формального, не измѣненными. Приверженцы этого направленія берутъ логику формальную, какъ такую обыкновенно разрабатываютъ, и только прибавляютъ здѣсь рядъ разсужденій о сходствѣ или даже тождествѣ между нашей наукой и метафизикой. При этомъ нѣкоторые изъ уче-

ныхъ и мыслителей, сюда относящихся, начинаютъ, такъ сказать, прямо со втораго шага и идутъ затѣмъ еще дальше. Признавъ прежде всего тождество между логикой, какъ ее обыкновенно понимаютъ, и метафизикой или нѣкоторой частью метафизики, они далѣе выставляютъ уже, дѣйствительно, чисто метафизическія положенія и принципы, которыя, съ ихъ точки зрѣнія, должны быть установлены въ отдѣлѣ метафизики, совпадающемъ съ логикой, и которыхъ мы въ обыкновенной логикѣ, въ логикѣ формальной, конечно, не находимъ вовсе. Въ свою очередь, и представители индуктивнаго направленія, видѣли мы выше, признають, на самомъ дѣлѣ, за логикой такія-же основныя задачи, какія назначаютъ нашей наукѣ мыслители и ученые, принадлежащіе къ направленію формальному. Только индуктивная логика разрабатываетъ почти исключительно одинъ отдѣлъ науки логики, отдѣлъ, который въ формальной логикѣ обыкновенно, такъ сказать, остается на заднемъ планѣ,—ученіе объ индукціи и какъ-бы считаетъ, разработавъ эту теорію, всю задачу логики выполненной, какъ-бы отождествляетъ теорію индукціи со всѣмъ цѣлымъ науки логики. Наконецъ, мы перешли къ разсмотрѣнію такъ называемой математической логики, и намъ пришлось убѣдиться, что приверженцы этого послѣдняго направленія—если математическую логику можно назвать «направленіемъ»—расходятся одни съ другими въ своихъ воззрѣніяхъ. Одни изъ нихъ сохраняютъ за логикой основныя задачи, которыя стремятся выполнить представители направленія формальнаго, и только разсуждаютъ о томъ, что обыкновенная формальная логика въ концѣ концовъ оказывается близко сходной или даже тождественной съ математикой. Иногда математическая логика, не измѣняя опять таки прежде за нашей наукой признанныхъ основныхъ задачъ, избираетъ новый путь, идя по которому можно было-бы устанавливать разнаго рода логическіе законы, рекомендуетъ составлять для этого особыя формулы, на подобіе математическихъ, и совершать надъ ними различныя дѣйствія. Другіе приверженцы этого направленія хотятъ замѣнить и самую работу нашей мысли, какъ мы ее обыкновенно выполняемъ, составленіемъ подобныхъ формулъ

и операціями надъ ними. Въ то время, какъ формальная логика изучаетъ особенности нормальной мысли при всякаго рода ея проявленіяхъ, послѣдніе представители математическаго направления хотять такимъ образомъ извѣстные процессы мысли, а иногда и всякаго рода процессы замѣнить при разсмотрѣніи особенностей мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, вновь нарочно придуманными актами мысли, — актами, которые имѣютъ мѣсто, когда мы составляемъ логическія формулы и производимъ надъ ними операціи. Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ послѣдователей математическаго направления мы встречаемъ взглядъ, будто обыкновенная логика не представляетъ ничего цѣннаго, будто нашу науку прямо слѣдуетъ замѣнить математикой.

Мы разсмотрѣли соотвѣтствующій историческій матеріалъ съ цѣлью рѣшить, чѣмъ должна быть логика и какія основныя задачи эта наука должна преслѣдовать. Почти всегда видятъ, на самомъ дѣлѣ, основную задачу логики въ томъ, чтобы указать особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, при психологически однородныхъ процессахъ. Эту общую задачу оставляютъ за нашей наукой представители различныхъ направлений, дѣлая лишь при этомъ иногда разнаго рода ограниченія или добавленія. Только Паскаль и въ послѣдствіи Контъ, въ видѣ, можно сказать, исключенія изъ общаго правила, не становятся на такую точку зрѣнія. Они считаютъ нашу науку совершенно бесполезной и хотять замѣнить ее математикой. Послѣдняя, думаютъ они, гораздо лучше, чѣмъ логика, научить насъ мыслить правильно и избѣгать ошибокъ и заблужденій.

Едва-ли нужно говорить, что взглядъ Паскаля и Конта не можетъ выдержать критики. Наука о величинахъ должна замѣнить науку о мышленіи! Разсуждая о величинахъ, мы лучше научимся мыслить, чѣмъ если будемъ разсматривать законы самаго мышленія! Отрицаніе логики и стремленіе замѣнить ее математикой было у Паскаля, вѣроятно, результатомъ слишкомъ сильнаго и, можно сказать, въ данномъ случаѣ дѣтскаго увлеченія наукой математики, а у Конта одной изъ крайностей, къ которымъ послѣдняго такъ часто приво-

дѣть его «положительная философія». Итакъ, если не нарушать установившихся традицій, то приходится въ слѣдъ за весьма и весьма многими учеными и мыслителями сказать, что основная задача науки логики должна заключаться въ томъ, чтобы опредѣлить общія особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, при психологически однородныхъ процессахъ. Между тѣмъ исторія логики, именно, является, какъ-бы путеводной нитью при рѣшеніи вопроса объ основныхъ задачахъ нашей науки. Обзоръ историческаго матерьяла долженъ предохранить насъ отъ возможной ошибки. Пусть, мы кореннымъ образомъ измѣнили-бы основныя задачи нашей науки, опредѣлили-бы ихъ совершенно иначе, чѣмъ какъ ихъ понимали до сихъ поръ. Логика до настоящаго времени была посвящена, положимъ, такому-то и такому-то предмету, преслѣдовала такіе-то и такіе-то задачи. И вотъ, мы говоримъ, что эта наука должна разсматривать иной предметъ, должна выполнить совершенно инныя задачи. Это значило-бы только назвать именемъ логики какую-то науку, на самомъ дѣлѣ, отличную отъ науки логики, а послѣднюю исключить изъ числа наукъ. Это значило-бы приложить старое названіе къ чему-то новому, а не опредѣлить, каковъ предметъ логики и въ чемъ заключаются ея основныя задачи. Подобное коренное измѣненіе въ понятіи о нашей наукѣ могло-бы имѣть основаніе только тогда, еслибы оказалось, что логика, какъ эту науку обыкновенно понимаютъ, невозможна, что, положимъ, самое понятіе о логикѣ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, что мы, стараясь рѣшить различные вопросы этой науки, только гоняемся, на самомъ дѣлѣ, за какими-то призраками или-же, наконецъ, что логика во всемъ ея составѣ представляетъ, собственно, часть другой науки. Только тогда мы имѣли-бы право сказать: логика, какъ ее разрабатывали до сихъ поръ, невозможна въ виду такихъ-то и такихъ-то соображеній; а потому эта наука должна измѣнить предметъ своего разсмотрѣнія и основныя свои задачи; логика должна обратиться въ новую науку; нужно основать новую науку, которая такъ или иначе будетъ намъ, быть можетъ, напоминать прежнюю науку логики, и къ этой совершенно новой

наукѣ въ виду нѣкотораго сходства удобно приложить старое названіе логики. Но мы предъ собой подобнаго случая не имѣемъ. Едва-ли нужно доказывать, что наша наука вообще возможна, что понятіе о логикѣ, какъ наукѣ, имѣющей задачей своей опредѣленіе особенностей нормальной мысли, понятіе, котораго, видѣли мы, придерживаются представители самыхъ разнообразныхъ направленій, никакого противорѣчія въ себѣ не заключаетъ, что мы въ логикѣ далеко не гоняемся за призраками. Съ другой стороны, едва-ли нужно говорить, что на логику нельзя смотрѣть, какъ на отдѣлъ какой-либо другой науки, и притомъ еще, какъ на отдѣлъ вовсе не самостоятельный. Правда, часто утверждаютъ, будто логика составляетъ часть психологіи. Не будемъ останавливаться на критическомъ обсужденіи подобнаго взгляда. Скажемъ только, что даже тѣ мыслители и ученые, которые признаютъ нашу науку лишь за отдѣлъ психологіи, видятъ въ логикѣ все-же спеціальную часть этой послѣдней науки, отдѣлъ, какого психологія обыкновенно въ себѣ не заключаетъ, притомъ такой отдѣлъ, въ которомъ, правда, разбираются вопросы, относящіеся къ психологіи, но разбираются несравненно тщательнѣе и подробнѣе и, быть можетъ, съ иной точки зрѣнія и иными цѣлями, чѣмъ въ психологіи, слѣдовательно, такъ сказать, обособившуюся часть этой науки, отдѣлъ, который пересталъ быть частью своего цѣлаго и превратился въ какую-то самостоятельную единицу. При этомъ ученые и мыслители, у которыхъ мы подобный взглядъ встрѣчаемъ, все-же сохраняютъ въ концѣ концовъ прежнее понятіе о логикѣ, и основная задача этой науки все-же заключается у нихъ въ томъ, чтобы опредѣлить общія особенности нормальной мысли при психологически однородныхъ процессахъ⁶⁸⁷). Мы видѣли выше, что

⁶⁸⁷) Беконъ Веруламскій раздѣляетъ философію на три отдѣла: «doctrina de Numine, de natura et de homine» («De augmentis scientiarum» lb. III cap. I § 3. Bacon «Oeuvres philosophiques», publ. par. M. N. Bouillet. T. I—III. Paris 1834 t. I p. 162). Этотъ послѣдній отдѣлъ («doctrina de homine»), въ свою очередь, распадается у него на двѣ части: «philosophia humanitatis et philosophia civilis» (ibid. lb. IV cap. I § 2. Ibid. t. I p. 204). «Philosophia humanitatis» состоитъ изъ «doctrina circa corpus hominis et doctrina circa animam ho-

крайніе между представителями такъ называемаго метафизическаго направленія утверждаютъ, будто логика ничто иное, какъ часть метафизики. Но и эти мыслители, какъ мы въ томъ убѣдились, оставляютъ въ концѣ концовъ общія задачи нашей науки неизмѣненными ⁶⁸⁸). Наконецъ, R. Grassmann ⁶⁸⁹), одинъ изъ крайнихъ приверженцевъ направленія математическаго, объявляетъ, будто логику слѣдуетъ разсматривать, какъ отдѣлъ всеобщей науки о формахъ или математики. Однако и по поводу этого взгляда, мы опять-таки должны замѣтить, что тотъ-же R. Grassmann, какъ мы это выше и старались по-

minis» (ibid. lb. IV cap. I § 4—8. Ibid. t. I p. 205—211). «Doctrina circa animam hominis» заключаетъ въ себѣ «doctrinam de substantia et facultatibus animae et doctrinam de usu et objectis facultatum» (ibid. lb. IV cap. III § 2. Ibid. t. I p. 233). И, наконецъ, «doctrina de usu et objectis facultatum» раздѣляется у Бекона на «logicam et ethicam» (ibid. lb. V cap. I § 1—2. Ibid. t. I p. 243—244). Итакъ, логика оказывается у него какою-то частью науки о душѣ вообще, психологіи, какъ таковую понимали въ то время и какъ эту науку опредѣляютъ иногда и теперь. Но это—часть совершенно отдѣльная, часть вполне обособившаяся отъ своего цѣлаго. И притомъ Беконъ, какъ мы выше видѣли, является основателемъ такъ называемой индуктивной логики, а представители этого послѣдняго направленія, подобно приверженцамъ логики формальной, въ концѣ концовъ лишь стремятся разсмотрѣть особенности нормальной мысли. Такимъ образомъ идею о томъ, что логика имѣетъ задачей своей опредѣлить общія особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, усваиваетъ себѣ, на самомъ дѣлѣ, и Беконъ.—«Die Logik muss», говоритъ J. Hoppe, ganz so wie die Naturwissenschaften bearbeitet werden. Denn sie ist *ein Stück der Psychologie*, in welcher sie einen Theil aus der gesammten Lehre von der Erkenntnissthatigkeit ausmacht und zwar denjenigen Theil, der von dem Begriffe und seiner Verwendung und Handhabung handelt» («Die gesammte Logik», Paderb. 1868 p. 20). Но въ то-же время едва-ли возможно сомнѣваться, что J. Hoppe разсматриваетъ логику, какъ науку все-же самостоятельную, и что основную задачу этой науки онъ видитъ въ томъ, чтобы указать особенности нормальной мысли, въ отличіе отъ ненормальной (cp. ibid. p. 1—24).—У Herm. Wolff'a въ его «Handbuch der Logik» (2-te Aufl. Leipz. 1888 p. 1) читаемъ: «Die Logik (Denklehre) ist die Wissenschaft von den durch das unmittelbare Selbstbewusstsein in uns und die Erfahrung an Anderen zur Erkenntnis gelangten Seelenvorgängen, welche unter dem Worte Denken einheitlich zusammengefasst werden. Als solche ist die Logik nur *ein besonderer Theil der allgemeinen Psychologie* oder Seelenwissenschaft. Diese als Grundwissenschaft sondert sich in die Theilgebiete 1) der Logik.... 2) der Ethik.... 3) der Aesthetik.... endlich 4) in die Pädagogik». Эти слова Herm. Wolff'a показываютъ, что онъ признаетъ, правда, логику за часть психологіи, но не лишаетъ эту науку ея самостоятельнаго характера. А

казать, все-же видить задачу логики въ томъ, чтобы опредѣлить общія особенности нормальной мысли⁶⁸⁹⁾.

Повторяемъ, при опредѣленіи предмета логики и ея основныхъ задачъ необходимо стать на ту точку зрѣнія, которую выработала исторія этой науки. Необходимо принять традиціонный взглядъ на логику, по крайней мѣрѣ, въ его наиболѣе общей формѣ, въ такой формѣ, въ какой его раздѣляютъ приверженцы различныхъ направленій. А мы видѣли, что представители всѣхъ тѣхъ главныхъ направленій въ логикѣ, которыя мы рассмотрѣли, требуютъ, чтобы эта наука занята была

выше мы видѣли, что нашъ авторъ принадлежитъ къ числу представителей логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и такимъ образомъ раздѣляетъ взглядъ, что логика должна опредѣлить намъ особенности нормальной мысли.—Наконецъ, укажемъ здѣсь еще на К. А. v. Reichlin-Meldegg'a. «Das Object der Philosophie ist das All, объявляетъ послѣдній. Dieses All kann aufgefasst werden als ein dreifaches Object: 1. als Einheit (Gott), 2. als Vielheit (Welt), 3. als Einzelheit (in höchster Entwicklung Mensch). Nach diesem dreifachen Objecte zerfällt die Philosophie in drei Theile: 1. die Lehre von der Einheit (Gott), Metaphysik, 2. die Lehre von der Vielheit (Welt), Kosmologie, 3. die Lehre von der Einzelheit (Mensch), Anthropologie. Die letztere umfasst den ganzen Menschen in seinem Sein und Werden. Dieses hat einen doppelten Charakter, den leiblichen der Nothwendigkeit, den geistigen der Freiheit. Das Leben des Leibes stellt die Somatologie (Körperlehre), das des Geistes die Psychologie, Pneumatologie (Seelen-, Geisteswissenschaft) dar. Das Leben der Seele in ihrer Entwicklung zum Geiste hat eine dreifache Richtung: das Erkennen, welches durch das Denken gewonnen wird, das Fühlen und Begehren. Der Gegenstand des Erkennens ist das Wahre, des Fühlens das Schöne, des Begehrens das Gute. Nach diesen drei Richtungen und ihren Gegenständen zerfällt die Geisteswissenschaft (Psychologie, Pneumatologie) in drei Hauptwissenschaften: 1) in Logik (Wissenschaft von dem durch das Denken gewonnenen Erkennen und seinem Gegenstande, dem Wahren), 2) Aesthetik.... 3) Ethik» («System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. I Abth. p. 5—6. Cp. ibid. II Abth. «System der Logik» p. 1—2). И здѣсь также логика, очевидно, остается чѣмъ-то самостоятельнымъ, несмотря на то, что эта наука составляетъ у К. А. v. Reichlin-Meldegg'a лишь часть психологіи или пневматологіи. Притомъ мы выше отнесли К. А. v. Reichlin-Meldegg'a къ числу приверженцевъ метафизическаго направленія и такимъ образомъ признали, что онъ оставляетъ обыкновенныя задачи нашей науки въ общемъ не измѣненными.

⁶⁸⁸⁾ Cp. выше.

⁶⁸⁹⁾ Cp. о Boole'ѣ.

⁶⁹⁰⁾ Cp. выше.

опредѣленіемъ особенностей мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, и лишь допускаютъ при этомъ то нѣкоторыхъ ограниченія предмета, то извѣстныя добавленія⁶⁹¹). Мы, быть можетъ, не найдемъ у весьма и весьма многихъ изъ представителей нашей науки опредѣленія, которое было-бы выражено, именно, въ такихъ словахъ. Не найдемъ мы разсужденій о задачахъ науки логики, гдѣ прямо говорилось-бы, что эта наука должна указать особенности нормальной мысли. Но, на самомъ дѣлѣ, логика, какъ ее разрабатываютъ ученые и мыслители, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ направленіямъ, всегда преслѣдуетъ, именно, такія основныя задачи. А потому мы и можемъ сказать, что логика должна опредѣлить, чѣмъ вообще отличается нормальная мысль отъ ненормальной при психологически однородныхъ процессахъ, какими особенностями характеризуются разнаго рода проявленія нормальной мысли. Вотъ въ чемъ состоитъ основная задача нашей науки.

Но представители различныхъ направленій то хотятъ расширить предѣлы науки логики, то хотятъ ограничить ея область. Разсмотримъ каждое изъ этихъ ограниченій и добавленій и постараемся рѣшить, дѣйствительно-ли слѣдуетъ такъ или иначе сузить только что установленное опредѣленіе или расширить задачи науки логики.

Мы прежде всего встрѣтили нѣкоторое разногласіе между представителями такъ называемой формальной логики,—между приверженцами логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ». Разногласіе возникаетъ здѣсь по вопросу о критеріи нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Логика

⁶⁹¹) Мы уже не говоримъ, конечно, здѣсь о Паскалѣ и Контѣ, которые, какъ мы видѣли, отрицаютъ логику и хотятъ замѣнить ее математикой. Впрочемъ, еслибы разсмотрѣть внимательно, какую роль приписываютъ они математикѣ, какъ наукѣ, замѣняющей логику, мы убѣдились-бы, что математика у нихъ должна выполнить то, что обыкновенно выполняетъ логика,—должна указать особенности нормальной мысли. Такимъ образомъ основныя задачи нашей науки и Паскаль и Контъ, собственно, опредѣляютъ такъ, какъ и всегда: они только требуютъ, чтобы эти задачи выполнила математика, которая почему-то у нихъ заступаетъ мѣсто логики.

стремится указать особенности нормальной мысли. Но прежде, чѣмъ приняться за такую работу, нужно установить самое понятие о мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, нужно сказать, какого рода процессы мысли мы называемъ нормальными, а какіе ненормальными. И вотъ, логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», объявляетъ за критерій нормальности истинность, а «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», — послѣдовательность въ мысли. Съ точки зрѣнія представителей логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», наша мысль нормальна, когда она согласна съ истиной; съ точки зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», нормальными нужно считать такія операции, при которыхъ мысль наша остается послѣдовательной, вѣрной себѣ; а уклоняемся-ли мы при этомъ отъ «матерьяльной правды» или нѣтъ, — это обстоятельство приверженцы направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», рѣшая, нормальна-ли наша мысль въ данныхъ ея проявленіяхъ, въ разсчетъ не принимаютъ. Спрашивается, на какомъ изъ этихъ критеріевъ остановиться? Признать-ли, что логика должна указать особенности нашей мысли при истинномъ познаниі, или-же ограничиться требованіемъ, чтобы эта наука опредѣляла особенности такихъ процессовъ, гдѣ мысль наша не перестаетъ быть вѣрной себѣ, послѣдовательной? Замѣтимъ при этомъ, что приверженцы другихъ направленій въ нашей наукѣ (въ отличіе отъ формального) принимаютъ критерій, который указываютъ представители логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». У приверженцевъ логики метафизической, логики индуктивной и, наконецъ, математической рѣчь, какъ мы видѣли, идетъ постоянно объ особенностяхъ нормальной мысли, въ томъ смыслѣ, что за нормальную признаютъ мысль, согласную съ «объективной правдой», а не — послѣдовательную только ⁶⁹²). Мы такимъ образомъ должны

⁶⁹²) Правда, говоря о представителяхъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», мы назвали между прочимъ и имена Ch. Renouvier и É. Rabier, а потомъ сказали нѣсколько словъ о É. Rabier, когда рѣчь шла о метафизической логикѣ, а о Ch. Renouvier, когда мы разсматривали индуктивное направ-

рѣшить, слѣдуетъ-ли принять тотъ критерій, который выдвигаютъ представители логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», или тотъ, которымъ руководствуются послѣдователи про-

вление въ нашей наукѣ. Казалось-бы такимъ образомъ, что и метафизическая логика, а также и логика индуктивная принимаетъ иногда тотъ критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли, который предлагаютъ приверженцы направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ». Но Ch. Renouvier, а равнымъ образомъ É. Rabier, признавая логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», объявляютъ таковую только за часть логики вообще. Эта специальная часть науки логики разсматриваетъ условія, при которыхъ мысль остается послѣдовательною, особенности мысли нормальной, въ томъ смыслѣ, что за нормальную признается мысль послѣдовательная только, а не непременно завѣдомо истинная. Логика-же вообще принимаетъ и у нихъ критерій иной. Логика вообще трактуетъ о томъ, какія особенности присущи нашей мысли, когда послѣдняя протекаетъ нормально, въ томъ значеніи слова, что мы при нормальныхъ актахъ приходимъ къ познанію истины (соотв. ссылки см. примѣч. 226 и 228). Правда, É. Rabier считаетъ метафизическими, именно, законы, которые у него устанавливаются логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ» (ср. выше. Соотв. ссылки см. примѣч. 392—395). Но все-же въ концѣ концовъ этотъ Французскій ученый принимаетъ вообще въ логикѣ тотъ критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли, который выставляетъ логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». —Наконецъ, имя М. W. Drobisch'a попадаетъ у насъ также въ двухъ мѣстахъ: и тогда, когда рѣчь идетъ о логикѣ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и тогда, когда мы разсматриваемъ такъ называемое математическое направленіе. М. W. Drobisch, дѣйствительно, остается на почвѣ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и за критерій нормальности и ненормальности всегда принимаетъ послѣдовательность и непослѣдовательность въ мысли. Но М. W. Drobisch и къ числу приверженцевъ математическаго направленія принадлежитъ, такъ сказать, только отчасти. Онъ не утверждаетъ тождества или сходства между логикой и математикой. Не стремится онъ также замѣнить разнообразную работу мысли нашей, составленіемъ логическихъ формулъ и дѣйствіями надъ ними. Если во взглядѣ М. W. Drobisch'a мы и встречаемъ нѣчто близкое къ обыкновенному ученію представителей математическаго направленія, то это близкое заключается лишь въ томъ, что онъ прибѣгаетъ къ составленію формулъ и, совершая операціи надъ формулами, хочетъ прийти къ новымъ выводамъ въ логикѣ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько видоизмѣнить положенія, которыя уже и прежде были здѣсь общепринятыми. А во всякомъ случаѣ, если мы и скажемъ, что одинъ изъ представителей математической логики придерживается не критерія, принятаго въ логикѣ «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а того критерія, который выставляютъ послѣдователи направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», мы все-же будемъ имѣть право утверждать то, что говоримъ ниже; мы будемъ имѣть право сказать, что громадное большинство ученыхъ и мыслителей принимаютъ за критерій нормальности и ненормальности нашей мысли ея истинность.

чяхъ направленій. Приверженцевъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», сравнительно, немного. Большинство ученыхъ и мыслителей называютъ нашу мысль нормальной, когда работа ея приводитъ насъ къ познанію истины. И нельзя не примкнуть къ этому большинству въ виду слѣдующихъ соображеній. Еслибы мы вздумали создать новую науку, которая не представляла-бы для человѣка интереса ни практическаго, ни теоретическаго, намъ всякій справедливо замѣтилъ-бы, что наша новая наука не имѣетъ, такъ сказать, *raison d'être*. А логика въ томъ ея видѣ, въ какомъ эту науку предлагаютъ разрабатывать приверженцы направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», именно, лишена и практическаго, и теоретическаго интереса. Мы говоримъ при этомъ о логикѣ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», когда ее разрабатываютъ отдѣльно, какъ науку самостоятельную, а не какъ часть логики вообще, какъ часть, положимъ, логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»⁶⁹³). Въ послѣднемъ случаѣ логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», конечно, пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ. Мы видѣли выше, что послѣдовательность является необходимымъ условіемъ такого рода работы нашего ума, которая приводила-бы насъ къ познанію истины. Съ этой идеей мы свыклись и при обсужденіи вопроса о значеніи логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», намъ довольно трудно освободиться отъ мысли объ этомъ. Между тѣмъ для того, чтобы правильно оцѣнить логику названнаго направленія, это необходимо. Логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», задается цѣлью установить законы, соблюденіемъ которыхъ обусловливается послѣдовательность въ нашей мысли, и стремится выполнить только эту задачу. Вопросы о томъ, какое значеніе имѣетъ послѣдовательность въ мысли при познаніи истины, приверженцы этого направленія не касаются вовсе. Выполненіе предписаній логики должно, утверждаютъ они, обезпечить не «правду матерьяльную», а только «формальную правду». Логика «формальная, въ тѣ-

⁶⁹³) Ср. выше о Fr. Alb. Lange, G. Hagemann't, Ch. Renouvier и É. Rabier.

номъ смыслѣ», можетъ имѣть практическое приложеніе: послѣдовательность въ мысли оказывается необходимымъ условіемъ возможности такой работы, при которой наша мысль остается согласной съ истиной, и въ виду этого тѣ правила и предписанія, которыя даетъ намъ логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», остаются въ своей силѣ и въ логикѣ «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»; ими приходится руководствоваться при всякаго рода операціяхъ мысли, при всякаго рода работѣ ума. Но вопроса о познаваніи объективно истиннаго, а слѣдовательно, и вопроса о томъ, насколько важно быть послѣдовательнымъ, чтобы не уклониться отъ истины,—этого вопроса, объявляетъ намъ Кантъ и его ученики въ логикѣ, наша наука не должна касаться. Такое практическое приложеніе ученія о законахъ послѣдовательности въ мысли приверженцы логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», какъ-бы напередъ отклоняютъ. Они какъ-бы прямо напередъ воспрепятствуютъ подобное практическое приложеніе науки логики. Ибо, повторяемъ, изъ этой науки они совершенно выбрасываютъ вопросъ о томъ, при какого рода процессахъ мысль наша бываетъ согласна съ истиной; а идеи о какой-либо другой наукѣ, которая этотъ вопросъ рѣшала-бы и такимъ образомъ могла-бы воспользоваться тѣмъ, что вырабатываетъ логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», мы у нихъ не находимъ также. Между тѣмъ какое-же иное практическое приложеніе можетъ имѣть логика этого направленія? Если напередъ сказать, что ученіемъ о законахъ послѣдовательности въ мысли отнюдь не слѣдуетъ пользоваться съ цѣлью разсмотрѣть вопросъ о познаваніи истины, въ чемъ можно тогда видѣть практической интересъ подобнаго ученія? Кантъ и его послѣдователи сами стараются обставить дѣло такъ, чтобы логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», отнюдь не представляла пракческаго интереса.

Мы говорили до сихъ поръ только о логикѣ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», когда послѣднюю разрабатываютъ, какъ *отдѣльную, самостоятельную науку*, когда на послѣднюю смотрятъ, какъ на *цѣлое науки логики*. Но пусть, логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», входитъ у насъ въ составъ

науки болѣе обширной, положимъ, науки логики, какъ ее понимаютъ представители направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Тогда возможно два случая. Мы можемъ уже при самой разработкѣ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», имѣть въ виду ея значеніе для науки объ операціяхъ, которыя приводятъ насъ къ познанію истины. Въ этомъ случаѣ соответствующій отдѣлъ перестаетъ быть логикой «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», ибо, сохраняя основной характеръ послѣдней, мы, именно, должны игнорировать вопросъ о томъ, достигаемъ-ли мы при такой или иной работѣ мысли познанія истины или нѣтъ. Логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», тутъ вполне обращается въ нѣкоторую часть логики съ инымъ направленіемъ, — въ часть, которая, подобно всѣмъ прочимъ частямъ, прямо и составлена въ духѣ этого иного, а не «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», направленія. Съ другой стороны, можно разрабатывать логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», какъ самостоятельную науку, а потомъ внести ее, какъ часть, въ болѣе обширную систему логики. Можно разрабатывать ученіе о законахъ послѣдовательности въ мысли, не обращая вниманія на то, благопріятствуетъ-ли выполненіе такихъ законовъ познанію истины, а потомъ внести наше ученіе въ болѣе обширную систему логики, логики иного направленія и сдѣлать соответствующіе выводы. Но, строго говоря, это значило-бы стать лишь на время на почву логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», чтобы потомъ тотчасъ-же измѣнить направленіе и принять иную точку зрѣнія. Вѣдь, логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», тѣмъ, именно, и характеризуется, что здѣсь окончательно устраненъ вопросъ о томъ, приходимъ-ли мы при такихъ или иныхъ актахъ нашей мысли къ познанію истины или нѣтъ. Логика этого направленія разсуждаетъ *только* объ особенностяхъ нашей мысли, когда таковая остается вѣрной себѣ, послѣдовательной. Между тѣмъ, въ какую-бы болѣе обширную систему мы потомъ логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», ни внесли, какъ часть, мы уже должны были-бы разъяснить законы послѣдовательности въ мысли, имѣя въ виду вопросъ о томъ, когда наша мысль согласна съ «ма-

терьяльной правдой», ибо представители всѣхъ прочихъ направлений принимаютъ, какъ сказано, именно, такой критерій нормальности и ненормальности для формъ нашей мысли. Становясь на точку зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и разрабатывая нашу науку въ этомъ направленіи, мы рѣшаемся трактовать исключительно о послѣдовательности въ мысли и не касаться вопроса о томъ, когда мысль наша истинна и когда нѣтъ. А если мы послѣ того вносимъ нашу систему логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», въ систему болѣе обширную, мы уже говоримъ объ этомъ послѣднемъ вопросѣ и самую логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», начинаемъ разсматривать съ цѣлью почерпнуть что-либо для рѣшенія этого напередъ намѣренно совсѣмъ устраненнаго изъ нея, а теперь выдвигаемаго нами вопроса.

Впрочемъ обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство, — обстоятельство, которое могло-бы наводить на мысль, будто логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», все-же представляетъ нѣкоторый практическій интересъ. Логика вообще трактуетъ объ особенностяхъ нормальной мысли. Такова главная задача этой науки. Но, какъ мы уже выше говорили, можно мысль нормальную, допуская, положимъ, нѣкоторую неточность, назвать совершенной и сказать, что наука наша изучаетъ особенности мысли совершенной, въ отличіе отъ несовершенной. И вотъ, посвящая себя изученію особенностей совершенной мысли, логика трактуетъ часто о самыхъ разнообразныхъ совершенствахъ, а не о такихъ только, безъ которыхъ мысль наша не была-бы даже нормальной. Намъ въ логикѣ говорятъ, напримѣръ, иногда о ясности идей. Мысль неясная еще не есть мысль ненормальная, съ точки зрѣнія того критерія, который представляютъ представители различныхъ направлений въ нашей наукѣ: неясной наша мысль можетъ быть и тогда, когда мы отъ истины не уклоняемся или — если принять критерій, который устанавливаютъ приверженцы направленія, «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ» — когда насъ упрекнуть, будто мы допустили непослѣдовательность, нельзя; съ другой стороны, идеи наши могутъ быть ясными и въ то-же время противорѣчить «матерьяльной правдѣ» или предполагать у насъ нѣкоторую

непоследовательность въ мысли. О подобныхъ, такъ сказать, добавочныхъ совершенствахъ мысли часто распространяются и приверженцы логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ»⁶⁹⁴). Казалось-бы, логика этого направленія въ виду того, что мы здѣсь обыкновенно такой отдѣлъ или такіе отдѣлы находимъ, должна представлять практическій интересъ. Что подобныя разсужденія, дѣйствительно, интересны, съ практической точки зрѣнія,—съ этимъ нельзя не согласиться. Но они составляютъ въ любомъ руководствѣ по логикѣ незначительную и притомъ лишь добавочную часть. Объявить-же ту или другую науку за практически интересную въ виду того только, что она заключаетъ въ себѣ какіе-то добавочные отдѣлы, дѣйствительно, интересные въ практическомъ отношеніи, едва-ли возможно. Но, что важнѣе всего, наши разсужденія о «добавочныхъ совершенствахъ мысли» приобрѣтаютъ практическій интересъ лишь тогда, когда мы напередъ скажемъ, что, если мысли нашей принадлежатъ такіа совершенства, мы легче достигаемъ конечной цѣли, которую преслѣдуемъ при всякаго рода работѣ ума,—познанія «объективной правды». Если-же намъ, какъ это дѣлаютъ представители логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», запретять говорить объ этой конечной цѣли, о томъ, насколько различныя добавочныя совершенства нашей мысли благопріятствуютъ отысканію истины, и самыя разсужденія о подобныхъ совершенствахъ теряютъ свое практическое значеніе. Повторяемъ, логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», лишена пракческаго интереса. Но наука сохраняетъ свой *raison d'être* и тогда, когда представляетъ для насъ интересъ только теоретическій. Быть можетъ, этотъ послѣдній нечуждъ логикѣ разсматриваемаго направленія? Логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», изучаетъ особенности нашей мысли, когда таковая остается вѣрной себѣ, последовательной. Спрашивается, въ какомъ отношеніи намъ, съ теоретической точки зрѣнія, важно опредѣлить эти особенности? Почему стали-бы мы такъ интересоваться особенностями, именно, мысли последовательной, вѣрной себѣ? Почему стали-бы мы интересоваться

⁶⁹⁴) Соотв. ссылки см. примѣч. 259.

ся особенностями, именно, такихъ проявленій мысли, въ отличіе отъ всякаго рода иныхъ, интересоваться ими настолько, чтобы создать для изученія ихъ отдѣльную науку? Нѣкоторые теоретическій интересъ могутъ вызывать и вещи, такъ сказать, вполне ужъ мелкія. Но откуда возникъ-бы у насъ преимущественный интересъ по отношенію, именно, къ извѣстному разряду операций мысли, къ этому разряду, въ отличіе отъ всякаго другаго? Нѣкоторые изъ послѣдователей направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», утверждаютъ, будто наука логики устанавливаетъ необходимые законы мышленія, — законы, внѣ соблюденія которыхъ мышленіе совершенно невозможно⁶⁹⁵). Казалось-бы, логика, какъ ставятъ при этомъ дѣло, трактуетъ о какихъ-то вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законахъ, а потому, несомнѣнно, представляетъ большой теоретическій интересъ. Но необходимые законы, внѣ соблюденія которыхъ невозможно мышленіе, оказываются у нихъ, на самомъ дѣлѣ, лишь законами послѣдовательности въ мысли, лишь такими законами, внѣ соблюденія которыхъ невозможна не мысль вообще, а только мысль, вѣрная себѣ, послѣдовательная, и мы такимъ образомъ опять возвращаемся къ вопросу, почему-бы намъ особенно интересоваться законами послѣдовательности въ мысли. Говорятъ, будто выполненіе предписаній логики (разработанной въ духѣ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ») обезпечиваетъ намъ правильность мысли (*die Richtigkeit*), — какъ-бы противопоставляя при этомъ правильную мысль мысли истинной⁶⁹⁶). Повидимому, науку, трактующую о правильной мысли, нельзя не признать за весьма интересную, не только съ теоретической точки зрѣнія, но даже и съ практической. Однако опять таки возникаетъ вопросъ, какого рода мысль Кантъ и его ученики называютъ правильной. И опять оказывается, что правильной они называютъ лишь мысль, вѣрную себѣ, послѣдовательную. Часто мы въ сочиненіяхъ по логикѣ съ направленіемъ «формальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ», читаемъ, что мысль наша обладаетъ извѣстными совершен-

⁶⁹⁵) Соотв. ссылки см. примѣч. 235.

⁶⁹⁶) Соотв. ссылки см. примѣч. 236.

ствами, если мы подчиняемся правилам логики (т. е., логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ»)⁶⁹⁷⁾. Оказывается, что между этими совершенствами первое мѣсто принадлежит *последовательности въ мысли*, а всѣ прочія совершенства—только совершенства, такъ сказать, добавочныя, второстепенныя, да и, мало того, собственно, теряютъ свой интересъ, если мы не выяснимъ значенія ихъ, при познаваніи истины, т. е. если мы не рассмотримъ ихъ, съ точки зрѣнія логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не «въ тѣсномъ смыслѣ». Итакъ, и теоретическаго интереса признать за логикой этого послѣдняго направленія нельзя. Нельзя признать за логикой «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», *raison d'être*, ибо она лишена, какъ интереса практическаго, такъ и теоретическаго.

Но пойдемъ дальше. Пусть мы построили систему логики въ духѣ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», т. е. разработали ученіе о томъ, какія особенности принадлежатъ нашей мысли, когда она остается вѣрной себѣ, последовательной. Тотъ фактъ, что мы, положимъ, такую систему выработали, не доказываетъ несостоятельности логики иного направленія, логики, которая принимаетъ иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Мы установили законы последовательности въ мысли. Это не мѣшаетъ намъ говорить объ особенностяхъ мысли нашей, когда она согласна съ «матерьяльной правдой», когда работа ума приводитъ насъ къ познанію истины. Такимъ образомъ можно было-бы, признавая логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», построить не только систему логики этого послѣдняго направленія, но и рядомъ съ этимъ другую систему, положимъ, систему логики съ направленіемъ «формальнымъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». У насъ получилось-бы тогда двѣ системы логики: логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», и еще логика иного направленія, и системы эти имѣли-бы право существовать одна рядомъ съ другой, причемъ обѣ одинаково носили-бы на-

⁶⁹⁷⁾ Соотв. ссылки см. примѣч. 237.

звание логики. Мы имѣли-бы при подобной постановкѣ дѣла, такъ сказать, двѣ логики: логику первую и логику вторую. И этого мало. Мы построили систему логики, придерживаясь направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», а потомъ, независимо отъ этого, начинаемъ разрабатывать нашу науку въ духѣ, положимъ, направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Мы уже имѣемъ ученіе объ особенностяхъ, которыми характеризуются процессы нашей мысли, когда она остается послѣдовательной. Мы начинаемъ трактовать объ особенностяхъ мысли, когда работа ея приводитъ насъ къ познанію истины. Между тѣмъ, какъ мы выше говорили, мысль непослѣдовательная не можетъ быть согласна съ «матерьяльной правдой». Послѣдовательность въ мысли — необходимое условіе возможности истиннаго познания. А потому, разсуждая объ особенностяхъ мысли при операціяхъ, которыя приводятъ насъ къ познанію истины, мы должны опредѣлить между прочимъ и особенности мысли, когда она вѣрна себѣ, послѣдовательна, должны говорить и объ этомъ, не разсматривая, правда, въ данномъ случаѣ наши разсужденія, какъ особую науку. Словомъ, выходитъ, что во второй нашей системѣ логики, системѣ съ направленіемъ «формальнымъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», мы должны повторить цѣликомъ всю первую систему логики, всю систему, построенную въ духѣ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», съ той только разницей, что мы теперь не будемъ придавать относящимся сюда законамъ и всей этой системѣ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», самостоятельнаго значенія. Чтобы избѣжать такой неловкости, можно избрать особый путь. Можно разработать логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», какъ науку самостоятельную, а потомъ включить ее, какъ часть, въ болѣе обширную систему логики, — систему иного направленія, положимъ, опять таки направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»⁶⁹⁸). Но мы уже говорили, что это значило-бы лишь на нѣкоторое

⁶⁹⁸) Ср. выше о Fr. Alb. Lange, G. Hagemann'ѣ, Ch. Renouvier и Él. Rabier.

время стать на точку зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», съ тѣмъ, чтобы потомъ тотчасъ-же измѣнить направленіе.

Итакъ, если принять для формъ нашей мысли критерій нормальности и ненормальности, который выставляютъ Кантъ и его послѣдователи, если построить систему логики въ духѣ такъ называемаго «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», направленія, система эта будетъ лишена, какъ практическаго, такъ и теоретическаго интереса, а кромѣ того, мы будемъ имѣть право рядомъ съ этимъ выработать еще другую систему логики, систему иного направленія, въ которую намъ пришлось-бы включить всю логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», какъ часть, причемъ мы, конечно, только не придавали-бы этой части и всему, что вошло въ ея составъ, самостоятельнаго значенія ⁶⁹⁹). Очевидно такимъ образомъ, настаивать на разработкѣ логики въ духѣ подобнаго направленія невозможно. Нельзя принять тотъ критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли, который предлагаютъ представители направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ». Логика разсуждаетъ объ особенностяхъ нормальной мысли. Мы при этомъ не должны здѣсь разумѣть подъ мыслью нормальной мысль только послѣдовательную. Наша наука трактуетъ объ особенностяхъ нормальной мысли, т. е. объ особенностяхъ мысли нашей при такихъ ея проявленіяхъ, когда мы приходимъ къ познанію истины. Логика должна гарантировать намъ «матерьяльную правду», а не «правду формальную» только, какъ это утверждаютъ Кантъ и его послѣдователи.

Кантъ, основатель интересующаго насъ направленія, повидимому, увлекся традиціоннымъ противопоставленіемъ формъ нашей мысли ея содержанію. Издавна говорятъ, что логика — наука формальная, что она посвящена изученію формъ человѣческой мысли и отнюдь не должна касаться ея содержанія. А если такъ, то и нужно изъ этой науки, на

⁶⁹⁹) Ср. J. Bergmann «Allgemeine Logik. I Th. Reine Logik». Berl. 1879 p. 13—17; G. Hagemann «Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 12—13.

самомъ дѣлѣ, исключить все, что имѣетъ хотя какое-либо отношеніе къ содержанію нашей мысли. Обыкновенная логика трактуетъ о «матерьяльной правдѣ», о познаваніи истины. Между тѣмъ истинной мы называемъ нашу мысль, когда она согласна со своимъ объектомъ. Если мы хотимъ рѣшить, истинна-ли мысль наша въ данномъ ея проявленіи, мы должны сравнить ее съ объектомъ ея, мы должны знать ея объектъ, должны коснуться ея содержанія. А этого въ логикѣ, чтобы послѣдняя не утратила своего исключительно формальнаго характера, именно, и нельзя допустить. Мы такимъ образомъ не должны здѣсь проводить границы между мыслью истинной и ложной, не должны ставить вопроса о томъ, какими особенностями характеризуется наша мысль, когда она приводитъ насъ къ познанію истины или, по крайней мѣрѣ, остается согласной съ истиной. Логика, какъ наука чисто формальная, не можетъ касаться вопроса о «матерьяльной правдѣ»; предписанія ея не могутъ гарантировать намъ «правды матерьяльной»: правила, которыя мы здѣсь находимъ, только должны обезпечить «формальную правду». Логика трактуетъ лишь объ особенностяхъ нашей мысли, когда таковая остается вѣрной себѣ, послѣдовательной. За критерій нормальности наша наука должна принять не истинность и ложность, а только послѣдовательность и непослѣдовательность въ мысли ⁷⁰⁰).

Но мы уже говорили, что слова «формальная наука», «формы мысли», «изученіе формъ человѣческой мысли, въ отличіе отъ ея содержанія», и пр. имѣютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если мы прибѣгаемъ къ подобнымъ выраженіямъ съ цѣлью указать на общій характеръ логическихъ законовъ и предписаній. Логика разсматриваетъ особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной. Но наша наука даетъ свои указанія не отдѣльно для каждаго изъ возможныхъ проявленій человѣческой мысли,—ибо проявленія эти часто отличаются одно отъ другаго лишь тѣмъ, каковъ въ данномъ слу-

⁷⁰⁰) Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 82—84; «Sämmtliche Werke, herausg. v. J. H. v. Kirchmann 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 54—56.

чаѣ объектъ нашей мысли, каково здѣсь ея содержаніе,—а сразу для всякаго рода операций или, по крайней мѣрѣ, для цѣлыхъ большихъ разрядовъ процессовъ мысли, разрядовъ, которые характеризуются только такимъ или инымъ психологическимъ построеніемъ нашей мысли, формами ея, а не ея содержаніемъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать нѣсколько неопредѣленное и, быть можетъ, несовсѣмъ въ данномъ случаѣ подходящее выраженіе «формы и содержаніе». И вѣдь подобнаго толкованія термины эти утрачиваютъ свое истинное значеніе. Логика изучаетъ особенности нормальной мысли, особенности, общія цѣлымъ разрядамъ процессовъ, общія процессамъ психологически однороднымъ, все равно, каково-бы ни было при этомъ содержаніе нашей мысли. Только въ такомъ смыслѣ можно сказать, что наша наука игнорируетъ содержаніе человѣческой мысли и останавливается исключительно на ея формахъ. И, быть можетъ, принадлежность любого процесса къ такой, а не иной психологической группѣ уже опредѣляетъ до нѣкоторой степени общій характеръ содержанія нашей мысли въ данномъ ея проявленіи. А потому говорить, будто логика отнюдь не должна касаться содержанія мысли нашей, противопоставлять такъ рѣзко формы мысли ея содержанію едва-ли возможно⁷⁰¹⁾.

Обзоръ различныхъ направленій въ логикѣ заставляетъ насъ утверждать, что задача нашей науки—опредѣлить особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной. Убѣдившись

⁷⁰¹⁾ Ср. ниже.—Какъ мы говорили, Кантъ, кромѣ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», предлагаетъ «трансцендентальную логику», гдѣ онъ принимаетъ иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Нормальной онъ тутъ уже называетъ мысль согласную съ «объективной правдой». И вотъ, Joh. H. Loewe говоритъ: «Sodann stellte Kant der seinsollenden abstract formalen Logik, die er als die allgemeine bezeichnete, eine transcendente gegenüber, welche auf den Unterschied zwischen empirischer und apriorischer Erkenntniss sich gründen, den Umfang, die objective Gültigkeit und den Ursprung der letzteren bestimmen, also nicht blos auf das Object, sondern auch auf das Subject des Denkens reflectiren sollte. Hiermit hat Kant selbst bestätigt, dass jene um ihrer Einschränkung willen von ihm gepriesene allgemeine Logik einer Ergänzung bedürfe, also dem wissenschaftlichen Bedürfnisse für sich allein nicht genüge» («Lehrbuch der Logik». Wien 1881. «Vorwort» p. III—IV).

теперь въ томъ, что стать на точку зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», нельзя, мы можемъ наше общее заключеніе выразить нѣсколько опредѣленнѣе. Говорить объ особенностяхъ нормальной мысли возможно только тогда, когда мы напередъ уже знаемъ, что такое нормальная мысль и что такое мысль ненормальная, когда мы напередъ условились, какъ понимать терминъ «нормальный», когда мы выставили такой или иной критерій нормальности и ненормальности для процессовъ нашей мысли. Представители нашей науки предлагаютъ двухъ родовъ критерій. Одни называютъ нашу мысль нормальной, правильной, когда мы не уклоняемся отъ «матерьяльной правды». Другіе за критерій нормальности и ненормальности объявляютъ послѣдовательность въ мысли. Мысль послѣдовательная, вѣрная себѣ, съ ихъ точки зрѣнія, нормальна; мысль непослѣдовательная, невѣрная себѣ, ненормальна. Логика и устанавливаетъ законы послѣдовательности въ мысли, указываетъ особенности нашей мысли, когда она остается вѣрной себѣ, послѣдовательной. Этотъ взглядъ является общепринятымъ и основнымъ у приверженцевъ направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ». Мы видѣли, что разрабатывать логику въ такомъ направленіи едва ли было-бы желательно. Необходимо принять иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Будемъ называть нормальной мысль нашу, когда она согласна съ истиной, и ненормальной, когда наши утвержденія истинѣ противорѣчатъ. Итакъ, логика имѣетъ задачей своей опредѣлить особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, причемъ за нормальные здѣсь признаютъ процессы, при которыхъ наша мысль остается согласной съ «матерьяльной правдой».

Переходимъ къ разсмотрѣнію того взгляда на нашу науку, которымъ характеризуется такъ называемое метафизическое направленіе въ логикѣ. Мы видѣли, что послѣдователи этого направленія оставляютъ логику, какъ таковую обыкновенно разрабатываютъ, не измѣненной. Но они весьма интересуются вопросомъ объ отношеніи науки логики къ метафизикѣ и утверждаютъ близкое сходство, а иногда и тождество между ло-

гикой и метафизикой или, по крайней мѣрѣ, логикой и извѣстнымъ отдѣломъ метафизики. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ идутъ еще дальше и, признавъ логику за отдѣлъ метафизики, стараются затѣмъ, по возможности, разработать этотъ отдѣлъ и устанавливають рядъ метафизическихъ принциповъ и положеній, приурочивая къ послѣднимъ названіе законовъ и принциповъ логическихъ ⁷⁰²). Такимъ образомъ метафизическая логика представляетъ различныя ступени сближенія между логикой и метафизикой. Одни изъ приверженцевъ интересующаго насъ направленія, не измѣняя обыкновенной логики и не внося сюда ничего такого, что обыкновенно въ составъ этой науки не входитъ, лишь признають нѣкоторое сходство между нашей наукой и метафизикой, между принципами и законами логики, съ одной стороны, и принципами и положеніями метафизики,—съ другой. Есть такая ступень въ развитіи этого сближенія, когда логику прямо отождествляютъ съ метафизикой или извѣстнымъ отдѣломъ послѣдней, когда утверждаютъ тождество между законами и принципами логическими и положеніями метафизики, когда объявляютъ логическіе законы и принципы за метафизическіе, но когда все-же составъ науки логики остается прежнимъ и здѣсь все-же ничего не измѣняютъ и не прибавляютъ. Наконецъ, на высшей точкѣ своего развитія это сближеніе сказывается въ томъ, что логику признають за отдѣлъ метафизики, логическіе законы и принципы за метафизическіе, а мало того—тотъ отдѣлъ метафизики, который будто-бы представляетъ собою логику, разрабатываютъ дальше и вносятъ въ нашу науку рядъ уже, дѣйствительно, чисто метафизическихъ положеній и принциповъ, сохраняя за послѣдними названіе логическихъ. Разсмотримъ каждую изъ этихъ ступеней отдѣльно.

Начнемъ съ первой. Оставить логику не измѣненной и не вносить сюда ничего такого, что не входитъ въ составъ этой науки обыкновенно, а только объявить, будто все цѣлое науки логики близко сходно, если не съ метафизикой вообще, то, по крайней мѣрѣ, съ однимъ изъ отдѣловъ ея, будто суще-

⁷⁰²) Ср. выше.

ствуется сходство или параллелизмъ, какъ выражаются нѣкоторые изъ приверженцевъ разсматриваемаго направленія ⁷⁰³⁾, между законами и принципами логическими и принципами и положеніями метафизики, не значить, какъ мы уже выше говорили, измѣнить основныя задачи нашей науки. Логика стремится опредѣлить особенности нормальной мысли. Если мы скажемъ, что въ концѣ концовъ эта наука оказывается до нѣкоторой степени сходной съ метафизикой, что законы логики сходны или параллельны принципамъ метафизическимъ, логика все-же останется такой наукой, которая имѣетъ задачей указать особенности нормальной мысли. Если мы даже при этомъ напередъ объявимъ, что *слѣдуетъ* проводить параллель между логикой и метафизикой, что сравнивать эти двѣ науки необходимо, мы все-же этимъ не измѣнимъ основныя задачи науки логики. Проводя параллель между нашей наукой и метафизикой, представители разсматриваемаго направленія только вносятъ въ логику добавочныя разсужденія, которыя не стоятъ въ связи съ общими основными задачами этой науки.

Дѣло нѣсколько измѣняется, если такое требованіе выразить въ иной формѣ, если сказать, что слѣдуетъ къ отдѣльнымъ законамъ нашей науки *подыскивать* параллельные принципы метафизическіе. Тогда задача логики, быть можетъ, заключалась-бы не только въ томъ, чтобы опредѣлить особенности нормальной мысли при различнаго рода ея проявленіяхъ, но и въ томъ, чтобы къ положеніямъ, которыя мы при этомъ устанавливаемъ, подыскивать параллельныя положенія метафизики. Но подобное требованіе можетъ имѣть силу только въ такомъ случаѣ, если мы напередъ признаемъ параллелизмъ между логикой и метафизикой, если мы напередъ убѣждены, будто логическіе принципы и законы, дѣйствительно, параллельны такимъ или инымъ положеніямъ и принципамъ метафизики. Говорить о сходствѣ между двумя науками всегда можно. Какія-бы двѣ науки мы ни взяли, мы всегда будемъ имѣть возможность указать сходныя черты. Сходство будетъ заключаться, положимъ, въ употребленіи одинаковыхъ част-

⁷⁰³⁾ Ср. выше о Fr. Ueberweg'ѣ и К. А. v. Reichlin-Meldegg'ѣ.

ныхъ методическихъ приѣмовъ (мы говоримъ не о методахъ, которые находили-бы себѣ приложение во всемъ цѣломъ той или другой науки, а объ отдѣльныхъ приѣмахъ). Можно указать сходство, напримѣръ, хотя-бы въ томъ, что каждая изъ наукъ въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворяетъ вообще нашему теоретическому интересу. Но такое общее сходство здѣсь еще не рѣшаетъ дѣла. Оно еще не можетъ намъ дать права требовать, чтобы мы логическіе законы сопоставляли съ положеніями метафизики. Нужно признать между логикой и метафизикой сходство, такъ сказать, менѣе общее.

Не будемъ заходить здѣсь далеко и ограничимся небольшими замѣчаніями. Логика имѣетъ, какъ мы видѣли, задачей своей опредѣлить особенности нормальной мысли. Эта наука трактуетъ объ особенностяхъ мысли нашей при извѣстныхъ ея проявленіяхъ. Предметомъ разсмотрѣнія оказываются здѣсь процессы нашей мысли, — слѣдовательно, нѣчто относящееся, какъ обыкновенно выражаются, къ субъективному, а не объективному міру. Метафизика разсуждаетъ, если не исключительно объ объективномъ мірѣ, то, во всякомъ случаѣ, какъ о субъективномъ мірѣ чловѣка, такъ и о мірѣ объективномъ. Логика изучаетъ операціи мысли, — слѣдовательно, явленія, феномены, а не предметы, сами по себѣ, ноумены. Метафизика говоритъ о сущности вещей, о ноуменахъ, а не о явленіяхъ, феноменахъ. Правда, въ метафизикѣ рѣчь часто заходитъ и о явленіяхъ; метафизика часто старается объяснить міръ явленій. Но подобныя разсужденія представляютъ здѣсь обыкновенно только дальнѣйшіе выводы изъ тѣхъ чисто метафизическихъ положеній, которыя установлены раньше. Объясненіе міра феноменовъ — лишь приложение, дѣйствительно, чисто метафизическихъ принциповъ. Какимъ-же образомъ возможно найти между этими двумя столь различными науками не только общее сходство, но и сходство въ частностяхъ, какимъ образомъ возможно ожидать, что положенія одной изъ этихъ наукъ сходны или параллельны принципамъ другой?

Среди ученыхъ послѣдняго времени, которые признаютъ параллелизмъ между отдѣльными положеніями логики и принципами метафизики, можно указать на Fr. Ueberweg'a и

К. А. v. Reichlin-Meldegg'a. Къ подобному взгляду ихъ приводятъ, повидимому, слѣдующія соображенія. Истинна такая мысль, которая соотвѣтствуетъ своему объекту. Мысль истинная какъ-бы гармонируетъ съ дѣйствительнымъ, объективнымъ міромъ. Истинность заключается въ соотвѣтствіи между мыслью и чѣмъ-то объективнымъ. При истинномъ познании мысль и объектъ приходятъ въ нѣкоторое соотвѣтствіе. Познающая мысль и познаваемый объектъ гармонируютъ между собой. Познаваемые формы объективнаго міра и формы познающей ихъ мысли однѣ другимъ соотвѣтствуютъ. Можно утверждать параллелизмъ между формами объективно существующаго, метафизическими формами, съ одной стороны, и формами мысли, логическими формами, — съ другой. Можно признать сходство параллелизмъ между законами и принципами логики и принципами и положеніями метафизики. И къ логическимъ принципамъ можно подыскивать соотвѣтствующіе принципы и положенія метафизическія ⁷⁰⁴). Какъ-бы ни были обставлены подобныя разсужденія, едва-ли нужно говорить, что ихъ нельзя считать убѣдительными. Конечно, мысль истинная есть мысль, согласная со своимъ объектомъ. Говорить о мысли истинной значитъ признавать возможнымъ какое-то соотвѣтствіе между нашей мыслью и ея объектомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, будто законы мысли до нѣкоторой степени сходны или аналогичны законамъ, распространяющимся на объективный міръ (и, именно, на объекты, какъ нѣчто внѣ насъ существующее, а не вообще объекты нашей мысли, ибо такъ ставятъ дѣло Fr. Ueberweg и К. А. v. Reichlin-Meldegg), или — употребимъ менѣе рѣзкое выраженіе — будто формы мысли параллельны формамъ бытія. Пусть, мысль наша занята познаниемъ чего-либо внѣ насъ находящагося, чего-либо, какъ обыкновенно выражаются, объективнаго, — бытія. Мы говоримъ, что наша мысль при этомъ истинна. Это значитъ: мысль наша достигаетъ результатовъ, которые согласны съ тѣмъ, что существуетъ внѣ насъ, объективно, съ бытіемъ; между содержанием нашей мысли въ концѣ концовъ и, съ другой стороны, внѣ

⁷⁰⁴) Соотв. ссылки см. примѣч. 381 и 383.

насъ существующими объектами, которые мы умственнымъ взоромъ разсматриваемъ, есть нѣкоторое соотвѣтствіе. Приходится тогда признать соотвѣтствіе между *содержаніемъ* нашей мысли и *формами* бытія, а не *формами* мысли и *формами* бытія. Логика-же, говорятъ намъ, именно, и изучаетъ формы, а не содержаніе мысли, и параллелизмъ, какъ сказано, видятъ обыкновенно между *формами* мысли и *формами* бытія. Логика опредѣляетъ особенности нормальной мысли. Эта наука указываетъ особенности процессовъ, которые имѣютъ мѣсто при такой работѣ мысли, когда мы не уклоняемся отъ «матерьяльной правды», — особенности процессовъ мысли, работы мысли, а не идей и положеній, которыя у насъ получаются, какъ результатъ подобной работы. Между тѣмъ параллелизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ оказаться имѣющимъ мѣсто только между идеями и положеніями, составляющими результатъ нашей работы, и тѣми объектами, которые мы разсматриваемъ. Такимъ образомъ, если ужъ непременно воспользоваться здѣсь терминомъ «формы», можно было-бы (конечно, съ весьма и весьма большой натяжкой) утверждать лишь параллелизмъ между *формами* идей и положеній, которыя мы себѣ въ концѣ концовъ вырабатываемъ, и *формами* бытія, метафизическими формами, но никакъ не между тѣми или иными типами процессовъ мысли *при подобной работѣ* и *формами* бытія, никакъ не между логическими формами вообще и формами метафизическими, логическими законами и принципами и — положеніями и принципами метафизики.

Итакъ, утверждать параллелизмъ между законами или формами логическими и метафизическими принципами или формами нельзя. А въ такомъ случаѣ нельзя и требовать, чтобы мы въ логикѣ не только устанавливали такіе или иные законы и формы, но и подыскивали къ нимъ параллельныя формы метафизическія.

Но предположимъ, что подобный параллелизмъ, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто. И тогда видѣть въ томъ, чтобы подыскивать къ логическимъ формамъ соотвѣтствующія формы метафизическія одну изъ основныхъ задачъ науки логики, было-бы странно. Между различными отдѣлами одной и той-же науки

должна существовать тѣсная связь. Тѣмъ болѣе тѣсной должна быть эта связь, когда дѣло идетъ не о цѣлыхъ отдѣлахъ, а о различныхъ небольшихъ частяхъ,—частяхъ, которыя постоянно переплетаются одна съ другой. А какую связь можно было-бы признать между ученіемъ объ особенностяхъ нормальной мысли и ученіемъ о томъ, будто формы, которыя принимаетъ при этихъ особенностяхъ наша мысль, сходны съ такими-то и такими-то формами бытія, формами метафизическими? Ученіе о параллелизмѣ между логическими формами и метафизическими невозможно безъ самаго ученія о логическихъ формахъ, но это послѣднее ученіе едва-ли что-либо выиграло-бы при подобномъ сопоставленіи, да и едва-ли при этомъ стало-бы болѣе полнымъ. Представители науки логики, о которыхъ мы говоримъ, признаютъ не тождество, а только параллелизмъ между формами логическими и метафизическими. Такимъ образомъ, съ ихъ точки зрѣнія, недостаточно рассмотреть разнаго рода метафизическія формы, чтобы установить формы логическія. Формы метафизическія только могутъ насъ наталкивать на мысль о существованіи такихъ или иныхъ логическихъ формъ, а не доказывать эти послѣднія.

Впрочемъ, что разсматривать подобное сопоставленіе, какъ одну изъ задачъ науки логики, едва-ли возможно,—въ этомъ всего легче убѣдиться, если мы взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія исторіи нашей науки. Какъ мы видѣли, приверженцы метафизическаго направленія вносятъ въ обыкновенную логику нѣкоторыя добавленія. Возникла метафизическая логика только въ новое время, тогда, когда наука логики уже существовала и существовала безъ этихъ метафизическихъ добавленій. Мы разсматриваемъ теперь ту ступень ⁷⁰⁵⁾ въ развитіи сближенія между нашей наукой и метафизикой, на которой эти двѣ науки признаютъ лишь параллельными, и гово-

⁷⁰⁵⁾ Быть можетъ, метафизическая логика возникаетъ первоначально въ болѣе крайнемъ своемъ проявленіи и только потомъ принимаетъ ту модификацію, о которой у насъ идетъ рѣчь. Но, во всякомъ случаѣ, разсматриваемый взглядъ вырабатывается исторически поздно, чѣмъ логика не-метафизическая. А потому мы и можемъ спросить, какое основаніе имѣли приверженцы метафизическаго направленія внести въ нашу науку свои добавленія.

римъ, именно, о требованіи сопоставлять законы и формы логическія съ метафизическими. Спрашивается, что могла логика, благодаря подобнымъ добавленіямъ, выиграть, что могла выиграть эта наука, выполняя только что указанныя требованія ⁷⁰⁶⁾? Существовала уже прежде наука объ особенностяхъ нормальной мысли. И вотъ, стали, положимъ, требовать, чтобы мы къ принципамъ этой науки подыскивали параллельные принципы метафизическіе. Становятся-ли при этомъ положенія науки логики болѣе точными и опредѣленными? Можно-ли такимъ путемъ исправить ошибки, которыя, предположимъ, раньше вкрались въ различныя логическія теоріи? Приобрѣтаетъ-ли тогда логика новый матерьялъ для разсмотрѣнія или, быть можетъ, усваиваетъ новый методъ, пользуясь которымъ можно установить и доказать разныя положенія этой науки? На подобные вопросы приходится отвѣтить въ отрицательномъ смыслѣ. Если существуетъ параллелизмъ между логическими формами и метафизическими, то—самое большее, что здѣсь можетъ выиграть логика, какъ эту науку обыкновенно понимаютъ—метафизическія формы могутъ насъ наводить на мысль отыскивать соотвѣтствующія имъ такія-то и такія-то формы логическія,—формы, которыя еще, положимъ, не установлены.

⁷⁰⁶⁾ Мы постоянно говоримъ здѣсь о *требованіи* сопоставлять формы логическія съ метафизическими. Быть можетъ, и нельзя ни въ одномъ изъ сочиненій, принадлежащихъ послѣдователямъ метафизическаго направленія, указать такія мѣста, гдѣ подобное требованіе было-бы высказано прямо и опредѣленно. Но мысль эта, повидимому, проявляется у различныхъ ученыхъ и мыслителей во всемъ содержаніи ихъ сочиненій, и особенно это можно сказать относительно К. А. v. Reichen-Meldegga. Наконецъ, разсматривая метафизическую логику, мы должны принять въ расчетъ всѣ возможныя толкованія взглядовъ, которые у приверженцевъ этого направленія встрѣчаются.—Сдѣлаемъ здѣсь еще одну оговорку. Мы выше пришли къ заключенію (см. гл. IV), что метафизическая логика вообще оставляетъ задачи логики формальной неизмѣненными и только вноситъ въ нашу науку извѣстныя добавленія. Теперь мы говоримъ: требуя, чтобы мы къ формамъ логическимъ подыскивали параллельныя формы метафизическія, представители интересующаго насъ направленія *измѣняютъ* задачи науки логики. Но дѣло идетъ, собственно, не о томъ, чтобы прежнія задачи нашей науки «измѣнить» и замѣнить новыми, а о томъ, чтобы къ прежнимъ задачамъ, которыя остаются неизмѣненными, прибавить новыя.—Это замѣчаніе наше одинаково относится и къ тому, что мы говоримъ ниже о крайнихъ приверженцахъ метафизической логики.

Едва-ли это послѣднее обстоятельство является достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы расширить самыя задачи нашей науки. Да и, наконецъ, еслибы мы внесли добавленія только въ виду этого послѣдняго обстоятельства, мы вовсе и не расширили-бы, на самомъ дѣлѣ, задачъ логики, ибо тогда вышло-бы, что мы требуемъ, чтобы представители нашей науки сравнивали логическія формы съ метафизическими потому и только потому, что это помогаетъ намъ при разработкѣ логики, въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Вышло-бы, что мы оставляемъ за наукой логики прежнія ея задачи и только указываемъ новый путь, идя по которому можно было-бы эти задачи легче или лучше выполнить.

На слѣдующей своей ступени сближеніе между логикой и метафизикой, какъ мы видѣли, развивается въ утвержденіе тождества. Нашу науку прямо объявляютъ за метафизику или извѣстный отдѣлъ послѣдней. Но весь составъ логики остается при этомъ все-же не измѣненнымъ. Логика остается въ прежнемъ своемъ видѣ. Намъ только объявляютъ, что эта наука—ничто иное, какъ метафизика или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ отдѣловъ метафизики, что логическіе принципы и законы—ничто иное, какъ принципы и законы метафизики. Представители подобнаго взгляда, говорили мы уже и выше, не измѣняютъ такимъ образомъ основныхъ задачъ нашей науки. Логика и здѣсь по прежнему лишь стремится опредѣлить особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной.

Впрочемъ, едва-ли можно найти такихъ послѣдователей метафизическаго направленія, которые, дѣйствительно, строго держались-бы этой ступени сближенія между логикой и метафизикой. Обыкновенно каждый идетъ дальше; обыкновенно каждый переходитъ, на самомъ дѣлѣ, на слѣдующую ступень. Эта послѣдняя ступень характеризуется, какъ сказано, тѣмъ, что логику признаютъ за метафизику или отдѣлъ метафизики, оставляютъ все цѣлое прежней логики не измѣненнымъ, но объявляютъ положенія, здѣсь установленныя, за метафизическія, а кромѣ того стараются разработать дальше тотъ отдѣлъ метафизики, съ которымъ логика будто-бы совпадаетъ, и устанавливаютъ тутъ уже, дѣйствительно, чисто метафизическіе

принципы и положенія, правда, называя ихъ при этомъ логическими. Въ такомъ своемъ проявленіи метафизическая логика, очевидно, нѣсколько измѣняетъ или — скажемъ лучше — расширяетъ задачи нашей науки. Оказывается, будто логика должна не только опредѣлить особенности нормальной мысли и установить всякаго рода общія положенія, сюда относящіяся, но и выставить рядъ чисто метафизическихъ принциповъ и положеній. Посмотримъ, слѣдуетъ-ли внести въ нашу науку подобныя добавленія.

Представители интересующаго насъ направленія устанавливають метафизическія положенія, отождествляя логику съ извѣстнымъ отдѣломъ метафизики. Если отождествить нашу науку съ метафизикой или нѣкоторой частью послѣдней, на самомъ дѣлѣ, нельзя, то нельзя и требовать, чтобы мы въ логикѣ представляли какіе-то метафизическіе положенія и принципы. Мы уже говорили, что слишкомъ трудно признать близкое сходство или параллелизмъ между логикой и метафизикой. Тѣмъ меньше основаній утверждать между этими двумя науками или между логикой и однимъ изъ отдѣловъ метафизики тождество. Отождествить логику съ метафизикой, науку объ особенностяхъ нормальной мысли съ наукой о сущностяхъ, объявить логику за метафизику или извѣстный отдѣлъ послѣдней, значитъ кореннымъ образомъ измѣнить понятіе о нашей наукѣ. Обыкновенное понятіе о логикѣ и понятіе о метафизикѣ отнюдь не совпадаютъ. Нужно измѣнить это обыкновенное понятіе о логикѣ: только тогда можно сказать, что логика представляетъ такой-то отдѣлъ метафизики. Но этого мало. Развивая метафизическое ученіе соотвѣтствующаго отдѣла, мыслители и ученые, о которыхъ у насъ теперь идетъ рѣчь, въ то-же время сохраняютъ и прежнюю логику съ прежнимъ ея составомъ. Они объявляютъ логику за метафизику и кореннымъ образомъ измѣняютъ понятіе о нашей наукѣ; съ другой стороны, они сохраняютъ прежнюю идею: послѣдователи метафизическаго направленія, именно, прежнюю логику, а не что-либо иное признаютъ за нѣчто чисто метафизическое, за какой-то отдѣлъ метафизики и потомъ только дальше разрабатываютъ этотъ отдѣлъ. Такимъ образомъ прежняя идея о логикѣ у

нихъ какъ-бы оказывается одинаковой съ новой. Но логика и метафизика, на самомъ дѣлѣ, не одно и то-же, и понятіе о логикѣ, на самомъ дѣлѣ, не совпадаетъ съ той новой идеей, которую вырабатываютъ приверженцы метафизическаго направленія. А потому приходится сказать, что у представителей метафизическаго направленія встрѣчается двойное понятіе о логикѣ: старое, какъ о наукѣ, имѣющей задачей своей опредѣлить особенности нормальной мысли, и новое, какъ объ отдѣлѣ метафизики. Они кореннымъ образомъ измѣняютъ прежнее понятіе о логикѣ, но въ то-же время этого прежняго понятія не выбрасываютъ, а сохраняютъ на ряду съ отличнымъ отъ него, вновь выработаннымъ.

Наконецъ, допустимъ, что слѣдуетъ признать тождество между логикой и метафизикой. Даже и въ этомъ случаѣ едва-ли возможно принять тѣ добавленія, которыя дѣлаютъ представители метафизической логики. Пусть, говоримъ мы, логика составляетъ отдѣлъ метафизики. Едва-ли между послѣдователями подобнаго крайне метафизическаго направленія можно найти такихъ, которые все-же не признали-бы за логикой нѣкотораго самостоятельнаго характера. Каждый изъ нихъ сказалъ-бы, что логика составляетъ часть метафизики, но часть самостоятельную,—часть, которая не сливается непосредственно со своимъ цѣлымъ. А это возможно только до тѣхъ поръ, пока мы не вносимъ въ прежнюю логику, дѣйствительно, чисто метафизическихъ добавленій. Положенія обыкновенной логики и положенія, входяція въ составъ «прочихъ» отдѣловъ метафизики, настолько различны, что логика остается самостоятельной частью метафизики. Если мы въ обыкновенную логику внесемъ «еще» кое-какія метафизическія положенія, граница, которая отдѣляетъ логику отъ «прочихъ» частей метафизики, нарушится, логика перестанетъ быть отдѣльной частью метафизики и сольется съ послѣдней въ одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ, если ужъ признать тождество между логикой и метафизикой, то необходимо выбрать одно изъ двухъ—или отказаться отъ добавленій, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь и которыя одни только измѣняютъ задачи нашей науки (мы видѣли, что отождествить ло-

гику съ метафизикой и оставить эту науку въ прежнемъ ея составѣ, не вводя сюда ничего, сравнительно, новаго, не значить еще измѣнить задачи науки логики), или-же согласиться вычеркнуть логику изъ списка наукъ, какъ часть метафизики и притомъ даже часть вовсе не отдѣльную и не самостоятельную. Выходить, что измѣнить задачи нашей науки и внести сюда метафизическія добавленія, какъ это дѣлають крайніе представители метафизической логики, представители интересующаго насъ направленія на высшей ступени сближенія между нашей наукой и метафизикой, едва-ли возможно.

Разсмотрѣніе особенностей метафизической логики не приводитъ насъ такимъ образомъ къ новымъ выводамъ и не составляетъ измѣнить нашъ взглядъ на основныя задачи науки логики.

Къ такому-же результату приходимъ мы, рассматривая логику индуктивную. Относительно этого послѣдняго направленія намъ придется сказать здѣсь лишь нѣсколько словъ. Мы уже старались показать, что индуктивная логика преслѣдуетъ такія-же задачи, какія поставляетъ себѣ логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», что индуктивная логика также лишь стремится опредѣлить особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, называя нормальной нашу мысль, когда она не уклоняется отъ «матеріальной правды». Отличается отъ «формального, въ болѣе широкомъ смыслѣ», это направленіе только тѣмъ, что представители его обращаютъ особое вниманіе на извѣстную группу операций мысли (на операціи, имѣющія мѣсто при индуктивномъ процессѣ),—на ту группу, которой логика формальная обыкновенно касается мало, и что они склонны признать всю задачу науки логики исчерпанной, если акты избраннаго ими разряда рассмотрѣны. Мы пришли къ заключенію, что логика имѣетъ вообще своей задачей опредѣлить особенности мысли нормальной *при различныхъ ея проявленіяхъ*, опредѣлить особенности нормальной мысли, обозрѣвая разныя группы процессовъ. Какимъ разрядамъ приписать большее значеніе, на какихъ изъ нихъ останавливаться съ болѣшимъ вниманіемъ,—это вопросъ, если можно такъ выразиться, частный. Между

тѣмъ мы говоримъ объ *основныхъ* задачахъ нашей науки. Мы и не будемъ разсуждать, правы-ли представители индуктивной логики, интересуясь особенно приѣмами индуктивнаго изслѣдованія, нужно-ли, именно, эту группу процессовъ мысли считать наиболѣе важной или нѣтъ. Но *ограничиться* въ логикѣ теоріей индукціи и такимъ образомъ *создать задачи этой науки*, конечно, нельзя. Предположимъ, что тѣ операціи мысли, которыя необходимы при индукціи, на самомъ дѣлѣ, важнѣе и интереснѣе всего, что индукція единственный путь, идя по которому мы, дѣйствительно, познаемъ новыя истины. Пусть, это — «органонъ» науки, какъ когда-то выражались. Все-же другого рода процессы мысли возможны и мысль наша при этомъ то остается вѣрной истинѣ, то уклоняется отъ нея, то остается нормальной, то становится ненормальной. Если ни одна истина не можетъ быть *добыта* иначе, какъ индуктивнымъ путемъ, то согласной или несогласной съ «матерьяльной правдой» можетъ наша мысль все-же быть и при операціяхъ иного рода. Нормальной и ненормальной можетъ мысль наша, во всякомъ случаѣ, быть не только при индуктивномъ изслѣдованіи, но и при разнаго рода иной работѣ. А потому и особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, можно указать, не только разсматривая операціи нашей мысли при индукціи, но и трактуя о разныхъ иныхъ группахъ процессовъ мысли. Мы говоримъ, что логика указываетъ особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Крайніе приверженцы индуктивнаго направленія должны были-бы утверждать, будто наша наука, дѣйствительно, опредѣляетъ особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, но только особенности нормальной мысли при процессахъ извѣстнаго разряда или извѣстныхъ разрядовъ, а не при всякаго рода операціяхъ. Еслибы мы допустили подобное ограниченіе задачъ логики, мы его ничѣмъ не могли-бы оправдать. Пусть, опять таки новыя истины мы всегда познаемъ индуктивнымъ путемъ. Все-же и при другихъ процессахъ возможны ошибки, возможна мысль, вѣрная «матерьяльной правдѣ», и мысль, несогласная съ истиной. Если мы обратимъ логику въ теорію индукціи, спрашивается, куда отнести ученіе

объ особенностяхъ нормальной мысли при всякаго рода иныхъ ея проявленіяхъ? Выбросить подобное ученіе изъ области человѣческаго знанія совсѣмъ едва-ли возможно, ибо таковое представляетъ большой интересъ и теоретическій, и практический. Ни въ какую другую науку включить его нельзя, потому что нѣтъ, кромѣ логики, науки, которая задавалась-бы цѣлью разсмотрѣть особенности нормальной мысли. А тѣмъ меньше основаній превратить подобное ученіе въ науку самостоятельную: мы имѣли-бы тогда двѣ отдѣльныя науки, изъ которыхъ каждая лишь опредѣляла-бы особенности нормальной мысли. Правда, одна изъ этихъ наукъ обозрѣвала-бы одни проявленія нашей мысли, другая—другія. И, какъ мы это предположили, одна разсматривала-бы, именно, акты, при которыхъ мы приобретаемъ новое знаніе, а другая—процессы, гдѣ знаніе наше нисколько не расширяется. Все-же каждая изъ этихъ наукъ только опредѣляла-бы особенности нормальной мысли, и каждую изъ нихъ съ полнымъ правомъ можно было-бы назвать логикой. Впрочемъ въ стремленіи ограничиться исключительно теоріей индукціи современныхъ представителей интересующаго насъ направленія обвинить нельзя. Какъ мы выше видѣли, мы у нихъ встрѣчаемъ и такіа разсужденія, которыя обыкновенно входятъ въ составъ разнаго рода отдѣловъ такъ называемой формальной логики. Итакъ, ученіе приверженцевъ индуктивной логики не приводитъ насъ къ мысли, будто задачи нашей науки нужно опредѣлить иначе, чѣмъ какъ мы ихъ формулировали, будто эти задачи необходимо нѣсколько сузить ⁷⁰⁷⁾.

Наконецъ, остановимся на логикѣ математической.

⁷⁰⁷⁾ Ср. Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 241—254; R. Zimmermann «Philosophische Propädeutik». 3-te Aufl. Wien 1867 p. 14—15; J. Hoppe «Die gesammte Logik». Paderb. 1868 p. 7—8; J. St. Mill «A system of logic ratiative and inductive». People's ed. Lond. 1889. «Introduction» p. 8; L. Rabus «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880 p. 24—26; проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложение» стр. 252—257. Ср. также статью V. Brochard'a «La logique de J. Stuart Mill» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. XII. 1881 p. 449—478, 592—614).

Мы раздѣлили представителей математическаго направленія на группы. Гоббсъ и современный ученый E. Dühring не измѣняютъ, какъ мы видѣли, состава обыкновенной логики. Но они при этомъ объявляютъ, будто наша наука имѣетъ что-то общее или даже прямо совпадаетъ съ математикой. Задачу науки логики, говоримъ мы, Гоббсъ и E. Dühring, допуская подобное сопоставленіе, не измѣняютъ. Оказывается-ли логика въ концѣ концовъ сходной съ математикой или нѣтъ,—если только эта наука сохраняетъ прежній свой составъ, задача логики по прежнему заключается въ томъ, чтобы опредѣлить особенности нормальной мысли при психологически однородныхъ процессахъ.

M. W. Drobisch и R. Grassmann хотятъ указать новый путь, идя по которому можно было-бы установить въ логикѣ новые законы или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько иначе доказать и лучше формулировать положенія, которыя здѣсь и раньше признавали. Основныхъ-же задачъ науки логики и эти ученые не измѣняютъ. Они только стремятся измѣнить способы изслѣдованія и пути мысли при разсмотрѣніи различныхъ вопросовъ логики, а не основныя задачи этой науки. Впрочемъ R. Grassmann, объявивъ логику за одинъ изъ отдѣловъ своей «*Formenlehre oder Mathematik*», утверждаетъ при этомъ, будто въ области нашей науки остаются въ силѣ всеобщіе законы формъ,—законы, которые онъ и устанавливаетъ въ первой части «*Formenlehre*» (эту часть R. Grassmann называетъ «*die Grössenlehre*»)⁷⁰⁸). Казалось-бы такимъ образомъ, логика у него, кромѣ обыкновенныхъ своихъ положеній, выставляетъ или, по крайней мѣрѣ, принимаетъ, какъ истинные, еще какіе-то законы. Но новый способъ, къ которому мы, по мнѣнію R. Grassmann'a, должны въ логикѣ прибѣгнуть, устанавливая и доказывая здѣсь различныя положенія, заключается въ томъ, что мы составляемъ особыя логическія формулы и производимъ надъ ними дѣйствія. Существуетъ рядъ правилъ, которыя слѣдуетъ соблюдать при операціяхъ надъ всякаго рода сочетаніями условныхъ зна-

⁷⁰⁸) Ср. выше.

ковъ,—все равно, въ какой-бы мы области ни составляли формулы. Вотъ эти-то «всеобщіе законы формъ» и сохраняютъ свою силу также по отношенію къ формуламъ логическимъ ⁷⁰⁹). Такимъ образомъ всеобщіе законы, о которыхъ говоритъ R. Grassmann, относятся къ числу правилъ для дѣйствій нашихъ надъ комбинаціями знаковъ,—правилъ, включить которыя въ логику, какъ мы выше старались показать, не значитъ еще измѣнить основныя задачи этой науки. Эти правила—самое большее—можно было-бы разсматривать въ данномъ случаѣ, какъ принципы методологіи нашей науки, но отнюдь не какъ принципы самой науки логики. Это не—логическіе законы. Устанавливая правила эти, мы никакихъ вопросовъ нашей науки не рѣшаемъ. Это только—правила, которыхъ нужно придерживаться при операціяхъ надъ логическими формулами, иначе говоря, при нашихъ разсужденіяхъ о различныхъ вопросахъ логики. Это—не законы логики, а предписанія относительно того, какъ слѣдуетъ вести разсужденія, чтобы устанавливать или доказывать въ нашей наукѣ различные законы и положенія.

Далѣе слѣдуютъ такіе представители математической логики, которые опять таки оставляютъ за нашей наукой прежнія ея задачи, но хотятъ всецѣло или, по крайней мѣрѣ, отчасти замѣнить разсмотрѣніе разнообразныхъ процессовъ нашей мысли ученіемъ объ операціяхъ, произвольно придуманныхъ,—операціяхъ, близко напоминающихъ дѣйствія надъ математическими формулами. Приверженцы математической логики въ этомъ ея проявленіи оставляютъ, говоримъ мы, общія задачи науки логики не измѣненными. И у нихъ логика, какъ мы выше видѣли, въ концѣ концовъ только стремится опредѣлить особенности нормальной мысли. Не измѣняетъ основныхъ задачъ нашей науки и самый крайній между ними G. Boole, который склоненъ признать логику или, по крайней мѣрѣ, дедуктивную логику за одно изъ развѣтвленій алгебры ⁷¹⁰).

⁷⁰⁹) Ср. R. Grassmann «Die Wissenschaftslehre oder Philosophie. 2-ter Ergänzungstheil. Die Formenlehre oder Mathematik». Stett. 1872. 2-es Buch p. 7 и дальше.

⁷¹⁰) Ср. также, особенно о G. Boole's и St. Jevons's.

Вѣдь, сохранить за логикой прежнія ея задачи и при этомъ, положимъ, даже прямо отождествить ее съ математикой или извѣстнымъ отдѣломъ математики все-же значитъ сохранить за наукою логики прежнія ея задачи, а не измѣнить эти послѣднія.

Но приверженцы математическаго направленія, которые придаютъ такое значеніе операціямъ надъ формулами, не измѣняютъ только *общихъ* задачъ науки логики. Подобно представителямъ другихъ направленій, и они трактуютъ, собственно, объ особенностяхъ нормальной мысли. Что-же касается, частнѣе, вопроса о томъ, какіе, именно, процессы мысли разсматривать и по отношенію къ какому рода группамъ процессовъ опредѣлять особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, то здѣсь эти ученые въ значительной степени расходятся съ послѣдователями прочихъ направленій и, не соглашаясь тутъ съ другими представителями логики, иногда, повидимому, измѣняютъ весь составъ и весь строй нашей науки ⁷¹⁰⁾. Логика должна опредѣлить особенности нормальной мысли. Обыкновенно эта наука и стремится обозрѣть всякаго рода возможные процессы мысли и для каждой группы психологически однородныхъ процессовъ указать особенности, при которыхъ мысль наша остается нормальной. Но G. Boole, St. Jevons и др. думаютъ, будто, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновенную работу можно замѣнить актами мысли, нарочно придуманными, — операціями надъ составленными извѣстнымъ образомъ формулами. причемъ подобныя операціи оказываются аналогичными нашимъ дѣйствіямъ надъ формулами математическими. И вотъ, логика и должна, выходить тогда, указать особенности нормальной мысли, именно, при такихъ процессахъ, должна выработать правила, какъ составлять формулы и какъ производить

⁷¹⁰⁾ Что G. Boole, утверждая, будто существуютъ какіе-то «всеобщіе законы символовъ», — законы, которые сохраняютъ свою силу и въ логикѣ (ср. выше), не измѣняютъ основныхъ задачъ нашей науки, — это можно показать, повторивъ лишь то, что мы только что сказали относительно Grassmann'овскихъ «всеобщихъ законовъ формъ».

⁷¹¹⁾ Ср. выше, особенно о G. Boole'ѣ и St. Jevons'ѣ.

надъ ними дѣйствія. Обыкновенную работу нашей мысли, говоримъ мы, они всегда или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ хотятъ замѣнить актами, произвольно придуманными, а тогда и наши разсужденія о разнаго рода процессахъ мысли или, по крайней мѣрѣ, тѣ разсужденія, въ которыхъ дѣло идетъ о процессахъ, принадлежащихъ къ известной группѣ или известнымъ группамъ, намъ пришлось-бы замѣнить разсмотрѣніемъ этихъ произвольно придуманныхъ актовъ, обсужденіемъ правилъ для операцій надъ особымъ образомъ изъ условныхъ знаковъ составленными логическими формулами. Постараемся рѣшить, дѣйствительно-ли слѣдуетъ задачи нашей науки опредѣлить, частице, согласно съ тѣмъ, какъ ставятъ дѣло G. Boole, St. Jevons и другіе приверженцы математической логики въ интересующемъ насъ теперь ея проявленіи ⁽¹²⁾).

Для того, чтобы мы имѣли право принять подобное опредѣленіе задачъ науки логики, необходимо было-бы прежде всего согласиться, что работу нашей мысли всегда или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, возможно замѣнить операціями надъ соотвѣтствующими формулами. И—обратимъ вниманіе на это обстоятельство — если выставить это положеніе, то слова «въ нѣкоторыхъ случаяхъ» должны имѣть особый смыслъ. Конечно, иногда возможно замѣнить обыкновенные акты нашей мысли дѣйствіями надъ логическими формулами. Нельзя не признать, что G. Boole, St. Jevons и др., дѣйствительно, получаютъ при помощи операцій надъ сочетаніями знаковъ правильныя заключенія изъ известныхъ посылокъ. Но дѣло не въ томъ, что возможно этимъ путемъ прійти къ правильнымъ выводамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Дѣйствіями надъ формулами болѣе умѣренные между представителями математической логики въ разсматриваемой ея модификаціи хотятъ замѣнить *всякіе* процессы мысли, принадлежащіе къ известному разряду или известнымъ разрядамъ.

⁽¹²⁾ Мы говоримъ здѣсь «ставить дѣло»: такъ сформулированнаго опредѣленія задачъ науки логики мы, конечно, ни у одного изъ представителей математическаго направленія не встрѣтимъ.

Логика опредѣляетъ особенности нормальной мысли при разнаго рода ея работѣ. Проявленія мысли нашей можно распределить по группамъ, смотря по тому, къ какому психологическому типу принадлежитъ каждый данный процессъ. И вотъ, если послѣдователи математическаго направленія предлагаютъ замѣнить *въ нѣкоторыхъ случаяхъ* работу нашей мысли дѣйствіями надъ комбинаціями знаковъ, то дѣло идетъ не о замѣнѣ процессовъ мысли нашей въ тѣхъ или другихъ, дѣйствительно, *отдѣльныхъ* случаяхъ, не о замѣнѣ актовъ, которые относились-бы то къ тому, то къ другому разряду, а о цѣлыхъ разрядахъ процессовъ, только не о всякаго рода группахъ, какія обыкновенно логика выставяетъ, а объ одномъ разрядѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченномъ количествѣ разрядовъ. Вновь придуманными операціями они хотятъ замѣнить дедукцію вообще ⁷¹³⁾. Такимъ образомъ, если мы согласимся понимать задачи нашей науки такъ, какъ ставятъ дѣло послѣдователи математической логики въ интересующемъ насъ проявленіи ея, мы напередъ должны сказать: дѣйствительно, возможно всякую работу мысли или, по крайней мѣрѣ, дедуктивный процессъ замѣнить операціями надъ особымъ образомъ составленными логическими формулами.

⁷¹³⁾ У G. Boole'я см. «An investigation of the laws of thought, on which are founded the mathematical theories of logic and probabilities». Lond. 1854 p. 99—113.—У J. Delboeufa см. «Logique algorithmique» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». Т. II. 1876 p. 225—252, 335—355, 545—595) p. 547—595.—Не такъ ясно ставятъ дѣло W. Wundt. Но и у него послѣ всѣхъ разсужденій о томъ, какъ составлять «уравненія» (Gleichungen) и какъ ихъ рѣшать (Auflösung), читаемъ: «Zum Schlusse mögen nun noch die gegebenen Regeln an einigen Beispielen erläutert werden, in denen die Aufgabe gestellt ist, aus gegebenen Urtheilen andere Urtheile, namentlich die Definitionen gewisser in jenen enthaltener Begriffe, zu entwickeln» («Logik». Bde I—II. Stuttg. 1880—1883. Bd. I p. 266). Въ этихъ словахъ, конечно, нельзя видѣть указанія на то, будто операціи надъ логическими формулами могутъ замѣнить дедуктивный процессъ всегда. Но приведенное мѣсто, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени показываеетъ, что и W. Wundt склоненъ считать подобную замѣну возможной, именно, тогда, когда дѣло идетъ о дедуктивныхъ умозаключеніяхъ.—Что-же касается St. Jevons'a, то послѣдній хочетъ посредствомъ операцій надъ символами замѣнить не только дедукцію, но и индуктивный процессъ («The principles of science». Vol. I — II. Lond. 1874 vol. I p. 139 и дальше).

Нужно прежде всего обратить внимание на то, что формулы у G. Boole'a, St. Jevons'a и других ученых, которые становятся на точку зрѣнія математической логики, выражают предложенія съ квантифицированнымъ предикатомъ ⁷¹⁴). Это—обстоятельство важное. Намъ, положимъ, дана посылка: «Человѣкъ смертенъ». Вмѣсто того, чтобы въ выводѣ опираться на положеніе, такимъ образомъ сформулированное, мы его сначала измѣняемъ, квантифицируемъ, какъ обыкновенно выражаются, предикатъ его ⁷¹⁵) и получаемъ предложеніе: «Всѣ люди составляютъ часть смертныхъ существъ», «Всѣ люди суть нѣкоторые смертныя существа». Строго говоря, мы измѣняемъ при этомъ самый смыслъ нашей посылки. Количественнаго опредѣленія — «часть смертныхъ существъ», «нѣкоторые смертныя существа» — предикатъ первоначально данной посылки въ себѣ не заключаетъ. «Человѣкъ смертенъ», — этимъ положеніемъ мы вовсе еще не утверждаемъ, будто люди составляютъ часть смертныхъ существъ, будто есть, и кромѣ людей, смертныя существа. Квантифицируя предикатъ, мы каждый разъ вносимъ въ наше предложеніе нѣчто такое, чего здѣсь прежде не было, утверждаемъ, кромѣ того, что намъ дано первоначально, еще кое-что новое ⁷¹⁶). И этими измѣненіями мы тутъ еще не ограничиваемся. «Человѣкъ смертенъ» и «Всѣ люди составляютъ часть смертныхъ существъ» — разница здѣсь не исчерпывается тѣмъ, что сказуемое втораго предложенія заключаетъ въ себѣ количественное опредѣленіе, чего относительно первоначально данной посылки сказать нельзя. Въ первомъ предложеніи идетъ рѣчь о комплексѣ признаковъ, изъ которыхъ слагается понятіе «человѣкъ», или — скажемъ иначе — о совокупности принадлежащихъ человѣку свойствъ ⁷¹⁷), и мы утверждаемъ здѣсь, что въ эту группу

⁷¹⁴) Ср. примѣч. 684-е.

⁷¹⁵) Подробнѣе о квантификаціи предиката см. выше.

⁷¹⁶) Мы видѣли (примѣч. 684-е), что количественное опредѣленіе вноситъ въ предложенія и St. Jevons, хотя послѣдній и не хочетъ употреблять особый условный знакъ съ цѣлью выразить «нѣкоторые», «часть».

⁷¹⁷) Мы только разсматриваемъ, конечно, эту совокупность, какъ какое-то цѣлое, какъ нѣчто объединенное.

слѣдуетъ включить и признакъ «смертности». Во второмъ случаѣ мы говоримъ объ объектахъ, которыми исчерпывается объемъ нашего понятія «человѣкъ», — о людяхъ, а не о свойствахъ, принадлежащихъ человѣку, и объявляемъ, что люди составляютъ часть разряда объектовъ, которымъ присущъ признакъ «смертности». Конечно, если свойство смертности необходимо включить въ группу признаковъ, изъ которыхъ складывается понятіе «человѣкъ», если это свойство всегда принадлежитъ человѣку, то и совокупность объектовъ, составляющихъ объемъ понятія «человѣкъ», должна совпадать съ той группой объектовъ, которой признакъ «смертности» можно приписать или, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторой частью этой группы. Все-же во второмъ предложеніи мы говоримъ о чемъ-то иномъ, чѣмъ въ первомъ. Пусть, даже это «иное» безусловно вытекаетъ изъ того, что мы утверждаемъ въ первомъ предложеніи, разсматриваемыя два предложенія все-же имѣютъ неодинаковый смыслъ. Впрочемъ нельзя думать, будто мы это послѣднее измѣненіе вносимъ въ наши послылки всегда. Иногда въ предложеніи, которое намъ дано, рѣчь уже идетъ не о такой или иной совокупности свойствъ, а о нѣкоторой группѣ предметовъ, не о признакахъ, изъ которыхъ складывается содержаніе даннаго понятія, а объ объектахъ, которые составляютъ объемъ его. Напримѣръ, вмѣсто послылки: «Человѣкъ смертенъ», намъ могли-бы дать: «Все люди смертныя существа». Въ каждомъ предложеніи съ квантифицированнымъ предикатомъ дѣло идетъ объ известной группѣ объектовъ, а не о такомъ или иномъ комплексѣ свойствъ, и, если намъ дано предложеніе, утверждающее нѣчто объ известной совокупности свойствъ, мы соотвѣтствующимъ образомъ измѣняемъ смыслъ его. Итакъ, квантифицируя предикатъ, мы измѣняемъ послылки, которыя намъ даны и изъ которыхъ мы должны дѣлать выводы. а) Мы каждый разъ вносимъ въ предикатъ нашего предложенія такое или иное количественное опредѣленіе, — опредѣленіе, котораго первоначально данное предложеніе обыкновенно въ себѣ не заключаетъ, а кромѣ того, б) если намъ что-либо утверждаютъ относительно свойствъ, принадлежащихъ предметамъ известнаго разряда и составля-

ющихъ содержаніе даннаго понятія, мы вмѣсто этого начинаемъ трактовать о самыхъ предметахъ, о тѣхъ объектахъ, которыми исчерпывается объемъ даннаго понятія ⁷¹⁸⁾. Логическія формулы, говоримъ мы, надъ которыми совершаютъ свои операціи представители математической логики въ разсматриваемомъ ея проявленіи, всегда выражаютъ предложенія, квантифицированныя. Между тѣмъ, если квантифицировать предикатъ, рѣчь идетъ въ предложеніи объ объектахъ той или другой группы, а не о такомъ или иномъ комплексѣ признаковъ, изъ которыхъ составляется содержаніе даннаго понятія. Кромѣ того квантифицированный предикатъ всегда заключаетъ въ себѣ какое-либо количественное опредѣленіе. И вотъ, если посылки, которыя намъ даны и которыя нужно выразить посредствомъ условныхъ знаковъ, по содержанію своему не подходятъ къ такому разряду предложеній, приверженцы математической логики, прежде чѣмъ составить формулы, соответствующимъ образомъ измѣняютъ содержаніе данныхъ положеній. И необходимо имѣть въ виду, что считать такія измѣненія не имѣющими никакого значенія нельзя. Мы знаемъ, что «человѣкъ смертенъ», и вмѣсто этого утверждаемъ, что «всѣ люди составляютъ часть смертныхъ существъ». Здѣсь и—можно сказать—въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы, квантифицируя предикатъ нашего предложенія, не уклоняемся отъ истины. Если предложеніе въ обыкновенной своей формѣ, съ предикатомъ, не квантифицированнымъ, истинно, оно въ громадномъ большинствѣ случаевъ остается истиннымъ и тогда, когда мы его предикатъ квантифицировали. Но ошибки тутъ все-же возможны. Нѣкоторые изъ представителей науки логики, какъ извѣстно, склонны думать, будто всякій выводъ нашъ непременно вливается въ форму силлогизма. Пусть, такому ученому сказали-бы: «Силлогизмъ есть умозаключеніе».

⁷¹⁸⁾ Ср. Джонъ Стюартъ Милль «Обзоръ философіи сэра Вилльяма Гамильтона и главныхъ философскихъ вопросовъ, обсужденныхъ въ его твореніяхъ». Пер. со 2-го изд. со всѣми дополн., сдѣланными авторомъ въ 3-емъ изд., Н. Хмѣлевскій. Спб. 1869 стр. 394—417 (глава XXII); Ch. Renouvier «Essais de critique générale. Premier essai. Traité de logique générale et de logique formelle». T. I—III. 2-e éd. Par. 1875 t. II p. 185—190.

Съ этимъ онъ могъ-бы согласиться, нисколько не измѣняя своего взгляда на силлогизмъ, и могъ-бы на это положеніе опираться въ своихъ выводахъ, какъ на посылку. Но еслибы мы рѣшились квантифицировать предикатъ этого предложенія, мы должны были-бы сказать: «Всѣ силлогизмы составляютъ часть умозаключеній». — должны были-бы утверждать нѣчто такое, чтò противорѣчило-бы мнѣнію, будто мы всегда строимъ наши заключенія по формулѣ силлогизма. Возьмемъ другой примѣръ. Пусть мы воспользовались-бы, какъ посылкой, Кантовскимъ положеніемъ: «Пространство и время суть апріорныя формы чувственности». Еслибы мы квантифицировали здѣсь предикатъ, намъ пришлось-бы объявить: «Пространство и время суть *нѣкоторыя изъ* апріорныхъ формъ чувственности», или «*два изъ* апріорныхъ формъ чувственности», и мы опирались-бы дальше въ нашихъ выводахъ вовсе не на Кантовское ученіе объ апріорныхъ формахъ чувственности, а на нѣчто иное. На самомъ дѣлѣ, представители математической логики избѣгаютъ подобной ошибки, формулируя предложенія съ квантифицированнымъ предикатомъ нѣсколько иначе. Въмѣсто того, чтобы данное намъ положеніе Канта: «Пространство и время суть апріорныя формы чувственности», измѣнить въ предложеніе: «Пространство и время суть *нѣкоторыя изъ* апріорныхъ формъ чувственности», они его выражаютъ, положимъ, такъ: «Пространство и время суть *все* апріорныя формы чувственности», или «*два* (а не «*два изъ* ...) апріорныя формы чувственности». «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть выводы». Въмѣсто того, чтобы утверждать: «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть *нѣкоторые изъ* выводовъ», мы можемъ выставить предложеніе съ квантифицированнымъ предикатомъ: «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть *все* выводы». Но почему мы Кантовское положеніе: «Пространство и время—апріорныя формы чувственности», не замѣняемъ предложеніемъ: «Пространство и время суть *нѣкоторыя изъ* апріорныхъ формъ чувственности»? Потому что мы не только знаемъ, что «пространство и время суть апріорныя формы», не только знаемъ данное положеніе, но и знаемъ кромѣ того, что, по Канту, существуютъ *только*

эти апіорныя формы чувственности. И почему мы не измѣняемъ предложеніе: «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть выводы», въ — «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть нѣкоторые изъ выводовъ»? Потому что мы опять, кромѣ содержанія даннаго намъ предложенія, знаемъ, положимъ, что всякій выводъ представляетъ или дедуктивное заключеніе, или заключеніе индуктивное. Такимъ образомъ для нашихъ квантифицированныхъ предложеній мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выбираемъ такую, а не иную форму, руководствуясь не только содержаніемъ посылокъ, но и чѣмъ-то еще. Для того, чтобы произвести рядъ дѣйствій надъ формулами, — дѣйствій, которыя должны замѣнить нашу обыкновенную работу мысли, мы прежде всего должны выразить данныя намъ положенія посредствомъ условныхъ знаковъ. Но, составляя логическія формулы, мы квантифицируемъ сначала предикатъ каждаго предложенія. А при этомъ мы въ большой группѣ случаевъ измѣняемъ самое содержаніе посылокъ, и, когда мы эти измѣненія допускаемъ, мы гарантированы отъ ошибокъ, только благодаря тому, что построимъ наши новыя предложенія, наши предложенія съ квантифицированнымъ предикатомъ, опираясь не только на посылки, которыя намъ выставлены, но и на какія-то другія данныя. Измѣненія эти или предполагаютъ возможность ошибокъ, или же — какъ это обыкновенно бываетъ — предполагаютъ ссылку на какія-то постороннія данныя, такъ что выводъ, который мы, производя операціи надъ формулами, въ концѣ концовъ получаемъ, мы дѣлаемъ фактически не изъ первоначально выставленныхъ посылокъ только, а изъ бѣльшаго количества данныхъ или, по крайней мѣрѣ, изъ предложенныхъ посылокъ, но послѣ того, какъ мы, благодаря нѣкоторымъ добавочнымъ нашимъ свѣдѣніямъ, а не самому содержанію этихъ первоначально данныхъ посылокъ, ихъ точнѣе и опредѣленнѣе формулировали. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, измѣняется-ли и самый выводъ нашъ, когда мы вносимъ измѣненія въ посылки. Предположимъ, что на содержаніе нашихъ выводовъ это обстоятельство не оказываетъ вліянія. Все-же мы должны сказать, что построить логическія

формулы и замѣнить операціями надъ сочетаніями условныхъ знаковъ обыкновенные акты мысли того или другаго типа возможно не всегда, а только въ томъ случаѣ, если мы обладаемъ соотвѣтствующими свѣдѣніями, чтобы квантифицировать данныя намъ предложенія, именно, такъ, а не иначе. Пусть, мы, напримѣръ, не знаемъ, возможенъ-ли выводъ, который не былъ-бы ни дедуктивнымъ, ни индуктивнымъ. Тогда мы положимъ: «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть выводы», не могли-бы воспользоваться, какъ посылкой, вовсе, ибо мы не знали-бы, какъ квантифицировать его предикатъ, сказать-ли: «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть *все* выводы», или: «Дедуктивныя и индуктивныя заключенія суть *нѣкоторые изъ* выводовъ» ⁷¹⁹).

Пойдемъ дальше. Логическія формулы выражаютъ только такія предложенія, въ которыхъ мы утверждаемъ равенство или тождество. Правда, приверженцы математической логики предлагаютъ обыкновенно особые условные знаки, пользуясь которыми можно было-бы выразить въ случаѣ надобности также и другаго рода отношеніе между субъектомъ и предикатомъ ⁷²⁰). Но, на самомъ дѣлѣ, формулы у нихъ всегда и неизмѣнно заключаютъ въ себѣ знакъ $=$, который здѣсь иногда выражаетъ математическое равенство, а иногда тождество. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, комбинаціи, надъ которыми, на самомъ дѣлѣ, представители интересующаго насъ направленія совершаютъ различныя дѣйствія, между прочимъ не выражаютъ вовсе предложеній, гдѣ идетъ рѣчь о причинной зависимости. *A* есть причина *B*,—такія предложенія не находятъ себѣ выраженія на языкѣ условныхъ знаковъ. А при индукціи мы почти всегда, именно, и устанавливаемъ положенія съ подобнымъ содержаніемъ: во всякомъ случаѣ таково содержаніе наиболѣе важныхъ и наиболѣе интересныхъ индуктивныхъ

⁷¹⁹) Если мы выражаемъ наши предложенія по способу, который предлагаетъ G. Boole, мы каждый разъ должны рѣшить, по какому образцу составить формулу: какъ $y=x$ или какъ $y=ex$. Принявъ систему знаковъ St. Jevons'a, мы также должны всякій разъ сдѣлать выборъ—между формулой типа $A=B$ и $A=AB$ (ср. выше).

⁷²⁰) Ср. примѣч. 684-е.

выводовъ ⁷²¹). Выходить, что дѣйствія надъ формулами уже въ виду этого обстоятельства не могутъ замѣнить индуктивный процессъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ. Но этого мало. И при дедуктивныхъ умозаключеніяхъ мы можемъ встрѣтить посылки, въ которыхъ утверждается вовсе не равенство и не тождество, а нѣчто иное, напримѣръ, сходство, бытіе или опять таки причинная зависимость. На подобные случаи операциі, о которыхъ трактуютъ G. Boole, St. Jevons и др., не распространяются ⁷²²). Наконецъ, укажемъ на то обстоятельство, что комбинаціи знаковъ всегда выражаютъ сужденія ассерторическія; а какъ составлять формулы, которыя соотвѣтствовали-бы сужденіямъ аподиктическимъ и проблемматическимъ, — объ этомъ приверженцы математическаго направленія не говорятъ ничего. Между тѣмъ отъ того, представляютъ-ли посылки сужденія ассерторическія, аподиктическія или проблемматическія, зависитъ самый характеръ нашего заключенія, такъ что выводъ изъ посылокъ сужденій аподиктическихъ, а особенно проблемматическихъ нельзя замѣнить выводомъ изъ сходныхъ по содержанію сужденій ассерторическихъ. Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе это послѣднее обстоятельство, мы должны сдѣлать еще одно ограниченіе. Мы видѣли, что посредствомъ условныхъ знаковъ представители математиче-

⁷²¹) St. Jevons пытается замѣнить и индуктивный процессъ операциями надъ логическими формулами. Но до тѣхъ поръ, пока онъ ограничивается дѣйствіями надъ сочетаніями знаковъ, индуктивные выводы у него не принадлежатъ къ типу: *А* есть причина *В* (см. «The principles of science». Vol. I—II. Lond. 1874 vol. I p. 139—171), а затѣмъ St. Jevons говорить, будто законъ, опредѣляющій причинную зависимость, мы первоначально утверждаемъ, какъ гипотезу, — слѣдовательно, независимо отъ такихъ или иныхъ операций надъ формулами (ibid. vol. I p. 307—312), съ цѣлью-же доказать выставленный такимъ образомъ законъ дѣлаемъ отсюда дедуктивные выводы и смотримъ, согласны-ли заключенія, которыя мы получаемъ, съ дѣйствительными фактами. — Замѣтимъ здѣсь кстати, что и относительно того, какъ въ подобныхъ случаяхъ (вѣдь, здѣсь мы имѣемъ обыкновенно не предложенія, выражающія тождество, а предложенія, въ которыхъ идетъ рѣчь о причинной зависимости) замѣнить обыкновенный процессъ дедуктивнаго вывода дѣйствіями надъ сочетаніями знаковъ, мы у St. Jevons'a указаній не находимъ.

⁷²²) Ср. L. Liard «Un nouveau système de logique formelle. M. Stanley Jevons» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. III. 1877 p. 277—293) p. 285—293.

ской логики выражают только предложения, въ которыхъ между субъектомъ и предикатомъ устанавливается равенство или тождество. Далѣе. Для того, чтобы имѣть возможность воспользоваться знаками, мы, какъ сказано, должны каждый разъ обладать соотвѣствующими добавочными свѣдѣніями: иначе мы не могли-бы внести въ данныя намъ предложения, такъ сказать, подробности, которыхъ эти предложения въ себѣ не заключаютъ. Наконецъ, теперь мы можемъ сказать еще, что и въ этомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ составлять изъ условныхъ знаковъ комбинаціи по системѣ G. Boole'а, St. Jevons'а и др. возможно не всегда: мы, на самомъ дѣлѣ, выражаемъ различными сочетаніями только сужденія ассерторическія. Повторяемъ, построить соотвѣствующія логическія формулы можно только тогда, когда данныя предложения принадлежатъ къ извѣстной группѣ. А слѣдовательно, и замѣнить обыкновенную работу мысли дѣйствіями надъ сочетаніями знаковъ возможно далеко не всегда. Притомъ, возможно-ли такой или иной актъ мысли замѣнить операціями надъ формулами, — это зависитъ не отъ того, къ какому изъ обыкновенно въ логикѣ выставляемыхъ психологическихъ типовъ данный процессъ принадлежитъ, а между прочимъ и отъ того, имѣемъ-ли мы соотвѣствующія свѣдѣнія и утверждаютъ-ли данныя послышки тождество или равенство или нѣтъ, такъ что нетолько вообще не всякую работу мысли можно замѣнить дѣйствіями надъ формулами, но и по отношенію къ процессу дедукціи подобная замѣна возможна отнюдь не всегда ⁷²³).

Теперь мы можемъ перейти къ вопросу, который представляется намъ дальше. Обыкновенную работу мысли въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ — въ случаяхъ, дѣйствительно, отдѣльных, а не работу нашей мысли, положимъ, при дедукціи вообще — все-же возможно замѣнить составленіемъ логическихъ формулъ и операціями надъ ними. Спрашивается,

⁷²³) Составляя формулы, мы, какъ сказано, имѣемъ дѣло только съ сужденіями ассерторическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и это обстоятельство можетъ препятствовать замѣнить дедуктивный процессъ, такъ сказать, математическими выкладками.

желательна-ли подобная замѣна? Должна-ли логика поставить себя задачей установить рядъ правилъ для построения формулъ и дѣйствій надъ ними? Что операціи надъ сочетаніями знаковъ представляютъ удобства въ томъ, конечно, случаѣ, когда формулы и дѣйствія надъ ними отличаются сравнительной простотой, — въ этомъ едва-ли возможно сомнѣваться. А если такъ, то тутъ и находить себя оправданіе стремленіе выработать для науки логики особый языкъ условныхъ знаковъ и особыя правила, какъ производить надъ комбинаціями знаковъ дѣйствія. Нужно только соблюдать при этомъ мѣру, отнюдь не преувеличивая значенія подобныхъ разсужденій для нашей науки. Мы видѣли, что, если можно такъ выразиться, математическія выкладки, какъ, по крайней мѣрѣ, представители интересующаго насъ направленія ставили дѣло до сихъ поръ, лишь въ весьма немногихъ единичныхъ случаяхъ, дѣйствительно, замѣняютъ процессъ заключенія. И необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Трагую объ особенностяхъ нормальной мысли, опредѣляя эти особенности, логика не только даетъ намъ указанія относительно того, какъ вести разсужденія, чтобы мысль наша оставалась согласной съ истиной, но и относительно того, какія разсужденія признавать за правильныя и какія нѣтъ. Логика указываетъ путь къ истинному познанию, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ и критерій для опредѣленія достоинствъ разнаго рода разсужденій и выводовъ ⁷²⁴). Если представители математической логики и выработаютъ правила для составленія формулъ и операцій надъ таковыми, все-же обыденныя наши разсужденія едва-ли будутъ протекать иначе, чѣмъ какъ они протекаютъ теперь. Едва-ли мы въ обыденной жизни станемъ для того, чтобы обсудить какой-либо вопросъ, составлять формулы и производить выкладки, — если ужъ думать, что наука всегда будетъ идти по тому новому пути, который указываютъ намъ G. Boole, St. Jevons и другіе приверженцы разсматриваемаго направленія. Наконецъ, пусть, къ операціямъ надъ формулами человѣкъ станетъ прибѣгать постоянно. Все-же мыс-

⁷²⁴) Ср. ниже.

лители и ученые предшествующихъ поколѣній вели свои разсужденія иначе. Между тѣмъ въ правилахъ математической логики мы не отыщемъ критерія, пользуясь которымъ можно было-бы взвѣсить достоинства разсужденій, протекающихъ обыкновеннымъ путемъ, когда мы условными знаками не пользуемся⁷²⁵). Такимъ образомъ, если дѣйствіями надъ комбинаціями особыхъ знаковъ и возможно замѣнить извѣстные процессы мысли, все-же ученіе о составленіи формулъ и операціяхъ надъ ними никогда не замѣнить намъ вполне соответствующаго отдѣла обыкновенной логики уже потому, что послѣдователи математическаго направленія въ этомъ ученіи своемъ не устанавливають критерія для оцѣнки достоинствъ разсужденій, которыя мы ведемъ обыкновеннымъ путемъ, — не построя формулъ. «Алгоритмическую логику» (какъ выражается J. Delboeuf) можно разрабатывать только à propos, какъ нѣчто, быть можетъ, и полезное, но какъ нѣчто такое, что от-

⁷²⁵) Единственный способъ взвѣсить достоинства какого-либо разсужденія, руководствуясь правилами математической логики, — это выразить посредствомъ условныхъ знаковъ всѣ тѣ положенія, на которыя данное разсужденіе, какъ на посылки, опирается, и производить затѣмъ надъ построенными такимъ образомъ формулами различныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ комбинаціи знаковъ, противорѣчащей тому заключенію, къ которому разбираемое разсужденіе насъ привело, или — сочетанія, именно, выражающаго этотъ выводъ. Система St. Jevons'a облегчила-бы намъ и сдѣлала-бы такую провѣрку, дѣйствительно, возможной во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возможно послылки выразить формулами, ибо St. Jevons старается показать, какъ изъ данныхъ посылокъ получить *все* возможные выводы (слѣдуя G. Boole'ю, мы могли-бы дѣйствія надъ формулами производить только, такъ сказать, ощупью, въ надеждѣ получить комбинацію, которая рѣшила-бы вопросъ о правильности или неправильности разбираемаго разсужденія). Представители математической логики на возможность подобной провѣрки сами не указываютъ. Еслибы мы въ такихъ дѣйствіяхъ видѣли приложеніе критерія, который будто-бы устанавливаетъ математическая логика, мы должны были-бы прежде всего сказать, что приложить подобный критерій далеко не такъ легко. Далѣе. Мы могли-бы только утверждать, что представители математическаго направленія предлагаютъ критерій для оцѣнки *результатовъ*, которые при различныхъ разсужденіяхъ получаются, а не достоинствъ *самыхъ разсужденій*. Приложивъ такой критерій, мы не узнали-бы, въ чемъ допущена ошибка: мы только опредѣлили-бы, ошибоченъ-ли конечный выводъ или нѣтъ. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, подобный критерій приложимъ лишь тогда, если посылки, входящія въ составъ даннаго разсужденія, таковы, что могутъ быть выражены условными знаками (ср. выше).

нюдь не замѣняетъ обыкновенной логики во всемъ ея составѣ или даже того или другаго отдѣла этой науки цѣликомъ. И попытки придать «алгоритмической логикѣ», если можно такъ выразиться, общее значеніе не приводятъ къ желаннымъ результатамъ. А потому приходится сказать, что составленіе предписаній относительно дѣйствій надъ логическими формулами нельзя разсматривать, какъ основную задачу науки логики. Въ лучшемъ случаѣ мы, вырабатывая подобные правила, выполняемъ лишь одну изъ второстепенныхъ задачъ нашей науки ⁷²⁶⁾.

Наконецъ, между представителями математического направления есть, видѣли мы, и такіе, которые считаютъ логику вообще несостоятельной и хотятъ замѣнить эту науку математикой ⁷²⁷⁾. Но о подобномъ стремленіи едва-ли возможно разсуждать сколько-нибудь серьезно.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ. Мы видимъ, что принять тѣ ограниченія основныхъ задачъ науки логики, которыя предлагаютъ послѣдователи направления «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», нельзя. Нельзя и внести въ нашу науку добавленія, встрѣчающіяся у представителей метафизической логики. Разсматривая теорію приверженцевъ математического направления, мы также оставляемъ основныя задачи обыкновенной логики, т. е. логики, какъ таковую понимаютъ ученые и мыслители, принадлежащіе къ направлению «формальному, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», не измѣненными. Остается у насъ взглядъ, который мы находимъ у представителей логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и — индуктивной. Оба эти направления, какъ мы видѣли, преслѣдуютъ, на самомъ дѣлѣ, одинаковыя основныя задачи. Но иногда приверженцы индуктивной логики, повидимому, склонны ограничиться въ нашей наукѣ теоріей индукціи, склонны признать, что вся наука логики исчерпывается ученіемъ объ индуктивномъ процессѣ. Съ

⁷²⁶⁾ Ср. К. С — скій «Труды В. В. Бобынина по исторіи математики» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Часть ССL. 1887. Апрѣль. «Критика и библіографія» стр. 337—342) стр. 340.

⁷²⁷⁾ См. выше о Паскалѣ и Контѣ.

другой стороны, разсужденія объ индукціи мы, правда, встрѣчаемъ въ любомъ руководствѣ съ направлениемъ «формальнымъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», но представители формальной логики обыкновенно мало интересуются этимъ вопросомъ. Между тѣмъ логика должна рассмотреть, по возможности, всякаго рода проявленія человѣческой мысли. Если послѣдователи формальнаго направленія неправы, когда слишкомъ мало обращаютъ вниманія на индуктивный выводъ, то тѣмъ болѣе неправы тѣ изъ приверженцевъ индуктивнаго направленія, которые стремятся свести всю логику къ ученію объ индукціи. Съ крайнимъ взглядомъ, къ которому склоняются нѣкоторые изъ представителей индуктивнаго направленія, — будто логика исчерпывается теоріей индукціи, согласиться нельзя. А если отбросить этотъ крайній взглядъ, то, повторяемъ, оказывается, что приверженцы индуктивной логики нисколько не измѣняютъ задачъ нашей науки, какъ ихъ понимаютъ представители направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», начиная съ основателя науки логики Аристотеля. На почвѣ этого послѣдняго направленія, направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ смыслѣ», и приходится оставаться. Различные ученые и мыслители вносятъ со временъ Аристотеля въ науку логики измѣненія. Но эта наука и теперь должна ставить себѣ такія основныя задачи, какія преслѣдуетъ въ своемъ «Органонѣ» Великій Стагиритъ. Быть можетъ, со временъ основателя логики составъ этой науки нѣсколько измѣнился, но опредѣлить основныя задачи науки логики мы все-же должны такъ, какъ, если не формулируетъ, то, по крайней мѣрѣ, понимаетъ эти задачи еще Аристотель. Согласно взглядамъ и тенденціямъ ученыхъ и мыслителей, которые придерживаются направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», мы и должны сказать, что логика имѣетъ цѣлью указать общія особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, при психологически однородныхъ процессахъ, причемъ мы тутъ нормальными называемъ такіе процессы, когда мы приходимъ къ познанію истины или когда наша мысль, по крайней мѣрѣ, остается согласной съ истиной.

Впрочемъ мы должны здѣсь повторить оговорку, которую уже сдѣлали раньше. Мы обратились къ исторіи нашей науки, чтобы такимъ образомъ легче и безопаснѣе прійти къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса объ основныхъ задачахъ логики. А потому мы старались обращать вниманіе не только на то, какъ опредѣляютъ науку логики и задачи ея различные ученые и мыслители, какъ у нихъ сформулировано это опредѣленіе, но и на то, какія задачи, на самомъ дѣлѣ, преслѣдуетъ сочиненіе того или другаго автора, и стремились извлечь отсюда, что тутъ есть цѣннаго, отбрасывая всякаго рода явно узкіе или ошибочные взгляды и игнорируя неточности, которыя въ различныхъ трактатахъ при разсужденіяхъ объ основныхъ задачахъ логики встрѣчаются, ибо это только увеличило-бы объемъ нашей книги, но нисколько не помогло-бы разъяснить нашъ вопросъ. Такимъ образомъ, если мы утверждаемъ, что, опредѣляя задачи нашей науки, нужно стать на точку зрѣнія приверженцевъ логики «формальной, въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова», мы имѣемъ въ виду не отдѣльные такъ или иначе составленныя опредѣленія науки логики: мы говоримъ въ этомъ случаѣ о задачахъ, которыя, на самомъ дѣлѣ, преслѣдуютъ представители нашего направленія, независимо отъ того, какъ каждый изъ нихъ эти задачи формулируетъ. И Аристотель, котораго мы считаемъ основателемъ не только науки логики вообще, но и, именно, логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», нигдѣ не говоритъ, что наша наука должна стремиться указать особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной ⁷²⁸). Тѣмъ не менѣе такова задача Аристотелевской «Аналитики».

По основнымъ задачамъ своимъ логика должна оставаться «формальной, въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова». Но самому термину «формальная наука» нужно дать опредѣленное значеніе. Мы видѣли, что Кантъ и его послѣдователи, противопоставляя формы мысли ея содержанію, приходятъ къ крайнимъ выводамъ. Иногда употребленіе этого термина вносить, быть можетъ, разнаго рода неточности и ошибки и въ

⁷²⁸) И самый терминъ «логика» введенъ, какъ извѣстно, позднѣе.

сочиненія представителей логики «формальной, въ болѣе широкомъ смыслѣ». Наша наука, говоримъ мы, стремится опредѣлить *общія* особенности нормальной мысли. Мы беремъ разнаго рода типы процессовъ мысли и сразу для цѣлыхъ разрядовъ психологически однородныхъ процессовъ указываемъ особенности, при которыхъ мысль наша остается нормальной. Между тѣмъ содержаніе нашей мысли при различныхъ процессахъ, относящихся къ одной и той-же группѣ, различно. Мы и говоримъ, что логика не обращаетъ вниманія на содержаніе мысли и лишь занята изученіемъ ея формъ. Но отсюда не слѣдуетъ, будто мы въ этой наукѣ не должны касаться содержанія человѣческой мысли нисколько. Возьмемъ два процесса, которые принадлежали-бы къ одному и тому-же разряду и при которыхъ содержаніе нашей мысли было-бы «различно». Едва-ли возможно, чтобы между содержаніемъ мысли нашей въ одномъ случаѣ и--въ другомъ не было рѣшительно ничего общаго. Быть можетъ, нѣкоторое сходство все-же сохраняется, и этотъ, такъ сказать, остатокъ сходнаго содержанія имѣетъ для логики извѣстное значеніе. Едва-ли возможно отдѣлить формы мысли отъ ея содержанія ⁷²⁹⁾ и трактовать въ логикѣ безусловно только о формахъ мысли. Указывая особенности нормальной мысли, наша наука раздѣляетъ проявленія мысли человѣческой по группамъ. И при такомъ раздѣленіи едва-ли возможно игнорировать содержаніе нашей мысли *въполнѣ*. Сорить и силлогизмъ различны не только по формѣ, но и по содержанію. Однако, намѣчая различныя группы психологически однородныхъ процессовъ, логика всюду имѣетъ въ виду лишь общіе типы содержанія, а въ чемъ, частнѣе, заключается содержаніе нашей мысли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—этого вопроса не касается. Наша наука разсматриваетъ формы мысли, а не ея содержаніе,—это нужно понимать только въ томъ смыслѣ, что, принимая, правда, въ расчетъ общіе типы содержанія при разнаго рода актахъ мысли, логика все-же указываетъ особенности мысли нормальной сразу для цѣлыхъ группъ процессовъ, игнорируя при этомъ разни-

⁷²⁹⁾ Ср. W. Schuppe «Erkenntnisstheoretische Logik». Bonn 1878 p. 15—25.

цу содержанія въ отдѣльных случаяхъ, относящихся къ одному и тому-же порядку. Такъ слѣдуетъ толковать термины «формы», «формальная наука», когда дѣло идетъ о логикѣ. Если мы станемъ придавать этимъ терминамъ болѣе широкое значеніе, то допустимъ, быть можетъ—въ этомъ нетрудно убѣдиться, разсматривая сочиненія нѣкоторыхъ изъ представителей интересующаго насъ направленія—разнаго рода неясности и путаницу, а иногда и ошибки.

Логика, утверждаетъ A. D. Ch. Twesten, есть наука о примѣненіи законовъ тождества и противорѣчія ⁷³⁰). Впрочемъ, добавляетъ онъ, можно разсматривать ученіе объ этомъ, какъ одну изъ частей науки логики, какъ аналитику только, въ отличіе отъ синтетики, гдѣ обсуждается вопросъ о составленіи понятій, сужденій и познаній (Erzeugung oder Zusammensetzung unserer Begriffe, Urtheile und Erkenntnisse) ⁷³¹). Herm. Ulrici думаетъ, будто наша наука посвящена разсмотрѣнію мысли различающей (der Thätigkeit des Unterscheidens) ⁷³²). По мнѣнію R. Zimmermann'a, логика трактуетъ о понятіи ⁷³³). B. St. Hilaire, повидимому, склоненъ признать, что логика есть наука о доказательствѣ ⁷³⁴). Вотъ, напримѣръ, какого рода ограниченія предмета науки логики встрѣчаемъ мы у различныхъ представителей направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Нечего и говорить, что подобныхъ ограниченій нельзя принять. Едва-ли возможно напередъ суживать область логики, объявляя, что эта наука разсматриваетъ именно, такія-то и такія-то формы или операциі нашей мысли. Куда при подобной постановкѣ дѣла отнести то, что можно сказать о прочихъ логическихъ формахъ? Совсѣмъ вы-

⁷³⁰) A. D. Ch. Twesten «Die Logik insbesondere die Analytik». Schlesw. 1825 p. 4.

⁷³¹) Ibid. p. 5—6.

⁷³²) Herm. Ulrici «System der Logik». Leipz. 1858 p. 74 и дальше.

⁷³³) R. Zimmermann «Philosophische Propädeutik». 3-te Aufl. Wien 1867 p. 13.

⁷³⁴) B. St. Hilaire «Logique» («Dictionnaire des sciences philosophiques» par une société de professeurs et de savants. T. III. Par. 1847) p. 604.—Онъ при этомъ ссылается на Аристотеля, но послѣдній опредѣляетъ такъ только предметъ своего сочиненія «Аналитика», а не предметъ науки логики.

бросить все это изъ комплекса человѣческаго знанія невозможно, потому что ученіе объ этихъ прочихъ формахъ или операціяхъ мысли также представляетъ интересъ и теоретическій, и практический. Образовать-же изъ такого ученія особую самостоятельную науку едва-ли согласились-бы и сами представители подобныхъ взглядовъ. Большею частью ⁷³⁵⁾ авторы подобныхъ опредѣленій, ограничивая предметъ логики и объявляя, будто наша наука изучаетъ, именно, такія-то и такія-то формы человѣческой мысли, дѣлаютъ это въ виду особаго своего взгляда на операціи нашей мысли. Они предполагаютъ, что къ этимъ формамъ и сводятся *всякаго рода* логическія формы мысли. Тогда, конечно, наше послѣднее замѣчаніе теряетъ свою силу. Но, разбирая интересующій насъ вопросъ, мы все-же можемъ подобныя опредѣленія игнорировать, можемъ не обращать вниманія, именно, на то, названы-ли здѣсь такіе или иные процессы человѣческой мысли, объявляетъ-ли себя логика, положимъ, за науку о понятіи или о какой-либо иной формѣ мысли нашей. Мы обсуждаемъ только вопросъ объ основныхъ задачахъ нашей науки. Логика должна, говоримъ мы, указать особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Такова основная задача науки логики. А слѣдуетъ-ли проявленія нашей мысли раздѣлить на нѣсколько главныхъ группъ или-же всѣ процессы сводятся въ концѣ концовъ къ одному типу,—это уже вопросъ второстепенный, вопросъ, отъ рѣшенія котораго не зависитъ опредѣленіе общихъ задачъ нашей науки. Еслибы мы напередъ, положимъ, сказали, что логика есть наука о понятіи, мы тѣмъ самымъ опредѣлили-бы не только основныя задачи этой науки, но и характеръ всего цѣлаго той системы, которую мы признаемъ за правильно выполненную, за, если можно такъ выразиться, идеальную.

Весьма распространеннымъ у приверженцевъ направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», является взглядъ, будто логика представляетъ «теорію искусства

⁷³⁵⁾ Это можно, повидимому, утверждать относительно R. Zimmermann'a и B. St. Hilaire'a, а также—съ соответствующими оговорками—и по отношенію къ A. D. Ch. Twisten'y.

мыслить» (*Kunstlehre des Denkens*), иными словами, будто эта наука есть ничто иное, какъ комплексъ правилъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при всякаго рода работѣ мысли ⁷³⁶). Но согласиться съ этимъ едва-ли возможно въ виду слѣдующихъ соображеній. Предписанія, которыя необходимо выполнять, чтобы мысль наша оставалась нормальной, согласной съ истиной, представляютъ выводъ изъ ученія о томъ, какими особенностями отличается мысль нормальная отъ ненормальной. Если мы не будемъ знать этихъ особенностей, мы не будемъ имѣть возможности выработать правила, которымъ должны мы постоянно слѣдовать, чтобы избѣгать ошибокъ. Нужно сначала опредѣлить, чѣмъ отличается мысль правильная отъ неправильной, нормальная отъ ненормальной, чтобы говорить объ «искусствѣ правильно мыслить». «Теорія искусства мыслить» представляетъ рядъ практическихъ выводовъ изъ принциповъ, законовъ и положеній науки логики. Это—практическое приложеніе логики. Можно сказать, что подобные практическіе выводы въ высшей степени просты, что, если установить извѣст-

⁷³⁶) Мы видѣли выше (гл. I), что нѣкоторые изъ представителей нашей науки объявляютъ логику за особаго рода искусство. Кромѣ смѣшенія понятія о наукѣ съ понятіемъ объ искусствѣ здѣсь, быть можетъ, проявляется иногда, именно, взглядъ, что логика есть «*Kunstlehre*», что всѣ ея положенія носятъ практический характеръ, что эта наука исчерпывается правилами, которыя нужно выполнять, чтобы мысль наша оставалась нормальной.—Гассанди объявляетъ, будто логика есть «*ars bene cogitandi*» (Petri Gassendi «*Opera omnia*». T. I. Pars I. Lugduni p. 32. Cp. *ibid.* p. 31—34).—Лейбницъ (G. G. Leibnitii «*Opera philosophica, quae exstant latina, gallica, germana omnia*» ed. J. Ed. Erdmann. Brl. 1840. «*Dissertatio de stilo philosophico Nizolii*» p. 65) говоритъ: «*Sola veritas residua est, sed de hujus comparandae ac confirmandae ratione, deque omni inveniendo et judicandi artificio praecepta tradere ad logicum pertinet*». И смыслъ этого мѣста становится вполне опредѣленнымъ, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующія слова этого мыслителя (*ibid.* «*Schreiben an G. Wagner vom Nutzen der Vernunftkunst oder Logik*» p. 419—420): «*Unter der Logik oder Denkkunst verstehe ich die Kunst den Verstand zu gebrauchen, also nicht allein was fargestellt zu beurtheilen, sondern auch was verborgen ist zu erfinden*».—Съ этимъ вполне согласно и то опредѣленіе, которое предлагаетъ Chr. Wolff: «*Ea philosophiae pars, quae usum facultatis cognoscitivae in cognoscenda veritate ac vitando errore tradit, logica dicitur, quae est scientia dirigendi facultatem cognoscitivam in cognoscenda veritate*» («*Philosophiae Wolfianae contractae*» tom. I ed. I. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «*Discursus praeliminaris de philosophia in genere*» § 54 p. 12. Cp. также *ibid.* «*Philosophiae rationalis sive logicae*

ное логическое положеніе, намъ уже ничего не стоитъ *tutatis mutandis* тотчасъ-же обратить его въ логическое правило, а въ виду этого въ логикѣ обыкновенно и не проводятъ границы между положеніями теоретическими и практическими предписаніями, такъ что теоретическія положенія логики оказываются какъ-бы совпадающими съ правилами практическими и весь комплексъ теоретическихъ положеній нашей науки какъ-бы тождественнымъ съ системой логическихъ предписаній. Не будемъ говорить о томъ, справедливо-ли подобное замѣчаніе. Это повело-бы насъ слишкомъ далеко. Тогда пришлось-бы разсматривать отдѣльные логическіе законы, отдѣльные логическіе принципы. Но, если теоретическія положенія нашей науки и сходны такъ близко съ правилами, которыя мы здѣсь вырабатываемъ, то логику все-же нельзя признать за науку чисто практическую, за какой-то комплексъ предписаній. Какъ-бы ни было легко сдѣлать здѣсь, основываясь на положеніи теоретическомъ, практическій выводъ, все-же такой выводъ и положеніе, изъ котораго мы его извлекаемъ, строго

prolegomena» § 1—11 p. 36—38). — Такого-же взгляда придерживается и J. G. H. Feder «Logik, читаемъ мы у него, oder eine Wissenschaft von den Regeln beim Denken zur Vermeidung der Irrthümer und Erforschung der Wahrheit...» («Grundriss der philosophischen Wissenschaften». 2-te Aufl. Coburg 1769 p. 52). — Встрѣчаемъ мы подобное опредѣленіе логики и въ новѣйшее время. — Fr. Dittes утверждаетъ: «Die Psychologie ist Naturwissenschaft, die Logik — Kunstlehre... diese (sc. die Logik) will eine Richtschnur der Erkenntniss sein, also Vorschriften zur Vermeidung des Irrthums und zur Erreichung der Wahrheit geben» («Lehrbuch der Psychologie und Logik». 8-te Aufl. Leipz. u. Wien 1882 p. 169). — «Die Logik ist die Theorie der Denkkunst, die Kunstlehre des Denkens», говоритъ J. Bergmann («Allgemeine Logik. I Th. Reine Logik». Berl. 1879 p. I. Ср. тамъ-же дальше). — Подобнаго взгляда придерживается и I. Watts («Logique ou le légitime usage de la raison dans la recherche de la vérité», trad. par M. E. Jouffroy. Par. 1846 p. 1). — Наконецъ, такой взглядъ находимъ мы и у П. Лодія («Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815 стр. 70) и С. Борзецовскаго («Краткое руководство къ логикѣ». Спб. 1821 стр. 4). — Ср. L. Strümpell «Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken». Leipz. 1881 p. 6; C. Prantl «Verstehen und Beurtheilen». Münch. 1877 p. 2—3. — Ср. также Fr. A. Hartzen «Grundzüge der Logik». Berl. 1873 p. 1—2; Chr. Sigwart «Logik. I Bd. Die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss». 2-te Aufl. Freib. i. B. 1889 p. 1—12; Ph. Damiron «Cours de philosophie. Logique». Brux. 1837. «Préface» p. VI—XXXII; *ibid.* p. 6.

говоря, различны. Да и самые практическіе выводы науки логики не исчерпываются правилами, которыми обыкновенно предлагают намъ руководствоваться при разнаго рода работѣ мысли. Логика выполняетъ еще одну важную практическую задачу. Эта наука даетъ намъ критерій или — скажемъ точнѣе — рядъ критеріевъ, пользуясь которыми можно взвѣшивать достоинства всякаго рода операций мысли⁷³⁷). Опять таки и подобныя разсужденія, быть можетъ, въ каждомъ руководствѣ по логикѣ слишкомъ переплетаются съ разсужденіями иного характера, такъ что и отдѣлить ихъ довольно трудно. Все-же такія разсужденія должны входить и обыкновенно входить въ составъ нашей науки. Если мы ограничимъ логику «теоріей искусства мыслить», куда отнести подобныя разсужденія? Совѣмъ исключить ученіе о критеріяхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при оцѣнкѣ различныхъ операций мысли, изъ области человѣческаго знанія нельзя, а обратить это ученіе въ особую науку едва-ли кто нашель-бы цѣлесообразнымъ. Да, еслибы мы и согласились основать подобную новую науку, мы не могли-бы провести рѣзкой границы между логикой, съ одной стороны, и нашей новой наукой, — съ другой. Впрочемъ наши слова, будто логика устанавливаетъ рядъ критеріевъ для обсужденія достоинствъ разнаго рода операций мысли, можно понять и не въ томъ смыслѣ, какой мы имъ хотимъ придать. Мы говоримъ здѣсь не о всеобщемъ критеріи истины, не о критеріи истины, который должна опредѣлить намъ теорія познанія и невозможность найти который обыкновенно стараются доказать скептики. Логика указываетъ особенности мысли нашей, когда таковая остается нормальной. Зная эти особенности, можно рѣшить, правильно-ли протекала мысль человѣка при такихъ-то и такихъ-то разсужденіяхъ, оставалась-ли при этомъ мысль нормальной. Вотъ о какого рода критеріяхъ мы ведемъ рѣчь.

Повторяемъ, логика прежде всего опредѣляетъ особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной. Въ этомъ основная задача нашей науки. Но, дѣйствительно, было-бы странно, еслибы мы тутъ воздержались отъ всякихъ практическихъ

⁷³⁷) Ср. выше.

водовъ. Издавна привыкли требовать отъ представителей науки логики практическихъ указаній, различныхъ правилъ и предписаній. Имъ обыкновенно придаютъ наибольшую цѣну. Исклѣчить такіе выводы изъ логики и соединить ихъ, положимъ, въ особую самостоятельную науку, значило - бы измѣнить смыслъ термина «логика», смыслъ, который за этимъ терминомъ укрѣпили вѣка. Да и притомъ мы создали - бы новую науку, которая опять едва-ли отдѣлялась-бы рѣзкой границей отъ логики безъ практическихъ выводовъ. Эти практическіе выводы представляютъ: а) «теорію искусства мыслить», комплексъ правилъ, какъ вести разсужденія, чтобы мысль наша оставалась согласной съ «матерьяльной правдой», б) рядъ критеріевъ, которые слѣдуетъ прилагать при оцѣнкѣ различныхъ операций нашей мысли, рядъ правилъ, придерживаясь которыхъ можно было-бы опредѣлить, нормальна-ли мысль чловѣка въ данныхъ ея проявленіяхъ или нѣтъ. Итакъ, наша наука устанавливаетъ теоретическія положенія, а кромѣ того, правда, вырабатываетъ, если можно такъ выразиться, двоякаго рода правила, однако «теоріей искусства мыслить» все цѣлое науки логики исчерпываться не можетъ.

Упомянемъ здѣсь еще о томъ, какъ ограничиваетъ предметъ и задачи нашей науки одинъ изъ представителей направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», L. Strümpell. Послѣдній думаетъ, будто логика разсматриваетъ *научное* мышленіе, именно, мышленіе научное, а не какое-либо иное ⁷³⁸). И такое ограниченіе едва-ли можно считать желательнымъ. Пустьъ, мы выдѣлимъ мышленіе науч-

⁷³⁸) L. Strümpell «Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken». Leipz. 1881 p. 6. Ср. Fr. A. Hartsen «Grundzüge der Logik». Brl. 1873 p. 3.—L. Strümpell, правда утверждаетъ, что логика разсматриваетъ..... «das wissenschaftliche Denken im Unterschiede von einem blos durch den Naturmechanismus geleiteten Vorstellen».... (ibid. p. 2—3). Но нѣсколько ниже онъ говоритъ: «Alles zusammenfassend, kann man mithin die Aufgabe der Logik dadurch ausdrücken, dass man sie als die Lehre vom wissenschaftlichen Denken oder als eine rationelle Wissenschaftslehre der Wissenschaften definirt» (ibid. p. 6).—Подобнымъ-же образомъ Th. G. Masaryk говоритъ:«fassen wir die Logik, als die Wissenschaft von den Regeln, nach welchen sich unser Geist bei der wissenschaftlichen Arbeit bethätigt» («Versuch einer concreten Logik». Wien 1887 p. 202).

ное—ибо такъ, повидимому, хочетъ поставить дѣло L. Strümpell—и будемъ говорить объ особенностяхъ нормальной мысли только при операціяхъ, именно, здѣсь имѣющихъ мѣсто. Въ такомъ случаѣ опять возникъ - бы вопросъ, куда отнести ученіе объ особенностяхъ нормальной мысли при иныхъ ея проявленіяхъ, — когда мы разсуждаемъ, не углубляясь въ вопросы научные, и рѣшаемъ, положимъ, вопросы обыденной жизни. Вѣдь, нельзя выбросить все это изъ логики. Правильная мысль протекаетъ, съ логической точки зрѣнія, совершенно одинаково, когда наше мышленіе научно и когда дѣло идетъ о разныхъ житейскихъ вопросахъ. Возьмемъ операціи мысли въ одномъ и въ другомъ случаѣ. Мы говоримъ, что логика раздѣляетъ процессы по группамъ и указываетъ особенности нормальной мысли для каждаго изъ намѣчаемыхъ разрядовъ. Пусть, въ нашемъ примѣрѣ процессы мысли относятся къ одной и той - же группѣ. Тогда логика укажетъ намъ особенности нормальной мысли сразу для всѣхъ процессовъ этой группы, какъ для такихъ, которые имѣютъ мѣсто, когда мы обсуждаемъ вопросы научные, такъ и для такихъ, когда мы размышляемъ о вопросахъ обыденной жизни. Повторяемъ, съ точки зрѣнія логики, мысль наша протекаетъ совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ. А потому выдѣлить научное мышленіе, отбросивъ всякаго рода иные процессы, едва - ли возможно. Впрочемъ обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Разсматривая операціи мысли, имѣющія мѣсто, когда мы заняты вопросами житейскими— скажемъ точнѣе—вопросами, которыхъ никакая наука не выставляетъ, мы, быть можетъ, не найдемъ нѣкоторыхъ логическихъ формъ вовсе, не найдемъ вовсе процессовъ, которые относились-бы къ такимъ-то и такимъ-то обыкновенно въ логикѣ намѣчаемымъ типамъ. Быть можетъ, процессы мысли при обсужденіи вопросовъ обыденной жизни исчерпываются нѣкоторымъ ограниченнымъ количествомъ логическихъ типовъ⁷³⁹⁾,

⁷³⁹⁾ Употребляя здѣсь выраженіе «логическіе типы», мы допускаемъ, строго говоря, неточность. Какъ мы видѣли, логика выставляетъ типы психологическіе и указываетъ, какими особенностями отличаются нормальные процессы одного и

а всѣхъ прочихъ типовъ мы здѣсь не встрѣчаемъ вовсе. Не встрѣчаемъ мы здѣсь, на примѣръ, положимъ, индуктивныхъ выводовъ, правильно обставленныхъ ⁷⁴⁰⁾. Но, если и предположить, что подобное замѣчаніе справедливо, это нисколько не измѣняетъ дѣла. Все-же операціи нашей мысли при разсужденіяхъ о вопросахъ житейскихъ къ такимъ или инымъ логическимъ типамъ относятся. Пусть, число этихъ типовъ невелико. Все-же до тѣхъ поръ, пока идетъ дѣло объ этомъ ограниченномъ количествѣ типовъ, логика, указывая особенности нормальной мысли, опредѣляетъ таковыя сразу для всѣхъ процессовъ каждаго даннаго разряда,—все равно, обдумываемъ-ли мы при этомъ вопросы науки или обсуждаемъ что-либо такое, что для насъ имѣетъ интересъ лишь въ практической жизни. Такимъ образомъ и то ограниченіе предмета и задачъ логики, которое допускаетъ L. Strümpell, не можетъ быть принято. Логика изучаетъ особенности нормальной мысли, имѣя въ виду самыя разнообразныя проявленія ея, а не исключительно «мышленіе научное».

Повторяемъ, при опредѣленіи основныхъ задачъ нашей науки нужно стать на точку зрѣнія представителей логики <фор-

того-же психологическаго типа отъ ненормальныхъ, опредѣляя такимъ образомъ въ концѣ концовъ уже, дѣйствительно, типы логическіе. А потому здѣсь, собственно, слѣдовало-бы говорить не о логическихъ типахъ, а о психологическихъ, ибо мы разсуждаемъ не о томъ, встрѣчаются-ли правильные процессы извѣстнаго разряда при разсужденіяхъ о вопросахъ обыденной жизни, а о томъ, какого рода процессы тутъ вообще имѣютъ мѣсто.

⁷⁴⁰⁾ Съ подобнымъ взглядомъ, собственно, согласиться нельзя. Правда, разсужденія о вопросахъ обыденной жизни большей частью отличаются сравнительной простотой, а кромѣ того въ большинствѣ случаевъ приводятъ насъ лишь къ выводамъ вѣроятнымъ. Можно было-бы сказать, что, напр., сложныхъ доказательствъ, о которыхъ трактуетъ наша наука, мы здѣсь не встрѣчаемъ, да и не встрѣчаемъ вообще строго правильныхъ операцій мысли, охарактеризовать которыя обыкновенно и стремится каждый изъ представителей науки логики. Но разсужденія сложныя здѣсь все-же могутъ имѣть мѣсто. Далѣе. Логика, какъ мы говоримъ, намѣчаетъ *психологическіе* типы процессовъ мысли и затѣмъ для каждой *психологической* группы указываетъ особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной. Если операціи нашей мысли, когда мы рѣшаемъ вопросы житейскіе, не даютъ выводовъ вполне достовѣрныхъ,—это не значитъ, будто онѣ не относятся къ тѣмъ *психологическимъ* группамъ, которыя выставляетъ логика и въ предѣлахъ которыхъ эта наука каждый разъ подраздѣляетъ процессы нашей мысли на нормальные и ненормальные.

мальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Но это не значитъ, будто необходимо принять все, что въ данномъ случаѣ утверждаютъ различные послѣдователи этого направленія. Нужно извлечь изъ логики «формальной, въ болѣе широкомъ смыслѣ», то, что здѣсь есть цѣннаго. Уже прежде всего не слѣдуетъ придавать особаго значенія самому термину «формы», «формальная наука», ибо подобныя выраженія часто являются причиной неточностей и путаницы. Да и встрѣчающіяся у различныхъ представителей формальной логики ограниченія задачъ нашей науки приходится отбросить. И вотъ, мы должны сказать, что логика имѣетъ задачей своей опредѣлить особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, при психологически однородныхъ процессахъ, причемъ за нормальную здѣсь объявляютъ мысль, согласную съ истиной. Выполняя такую задачу, наша наука стремится обсудить всякаго рода процессы, отнюдь не ограничиваясь разсмотрѣніемъ операций мысли нашей лишь при извѣстнаго рода ея работѣ, напримѣръ, только когда мышленіе наше можно назвать научнымъ. При этомъ логика не только устанавливаетъ положенія теоретическія, но и дѣлаетъ отсюда рядъ практическихъ выводовъ. Эта наука, кромѣ теоретическихъ своихъ положеній, вырабатываетъ правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться при всякой работѣ мысли, и даетъ указанія относительно того, какъ взвѣсить достоинства всякаго даннаго разсужденія. Однако логика ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять исключительно практическій характеръ, да еще и ограничиться при этомъ предписаніями, которыхъ нужно придерживаться при работѣ мысли, не указывая критерія или критеріевъ для оцѣнки операций мысли нашей. Говорятъ, что логика устанавливаетъ законы. То, что обыкновенно называютъ законами этой науки, и можетъ носить различный характеръ. Мы можемъ назвать такимъ именемъ теоретическія положенія науки логики; можетъ этотъ терминъ обозначать и практическіе выводы, которые здѣсь обыкновенно дѣлаютъ. Правда, практическіе выводы по своему содержанію такъ близко сходны въ нашей наукѣ съ теоретическими положеніями, что мы обыкновенно не проводимъ здѣсь границы

вовсе. Но, на самомъ дѣлѣ, теоретическія положенія и практическіе выводы все-же различны, и это различіе едва-ли возможно игнорировать.

Такова основная задача логики и таковъ общій характеръ тѣхъ положеній, которыя эта наука устанавливаетъ и должна устанавливать.

СПИСОКЪ

сочиненій, которыми авторъ имѣлъ возможность пользоваться
и ссылки на которыя встрѣчаются въ этой книгѣ.

Apelt E. F. «Die Theorie der Induction». Leipz. 1854.

Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850.

— «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717.

Bachmann C. Fr. «System der Logik». Leipz. 1828.

Bacon «Oeuvres philosophiques», publ. par M. N. Bouillet. T. I—III. Paris 1834.

Bain Al. «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873.

Beneke Fr. Ed. «System der Logik, als Kunstlehre des Denkens». Th. I—II. Brl. 1842.

Bergmann J. «Allgemeine Logik. I Th. Reine Logik». Brl. 1879.

Бобынинъ В. В. «Опыты математическаго изложенія логики». Вып. I. Москва 1886.

Boole G. «An investigation of the laws of thought, on which are founded the mathematical theories of logic and probabilities». Lond. 1854.

— «The mathematical analysis of logic, being an essay towards a calculus of deductive reasoning». Cambr. 1847.

Борзцовскій С. «Краткое руководство къ логикѣ». Спб. 1821.

Brochard V. «La logique de J. Stuart Mill» («Revue philosophique de la France et de l'étranger»). T. XII. 1881 p. 449—478, 592—614).

Charles Em. «Éléments de philosophie». T. II. «Logique. Morale. Éléments de métaphysique». Paris 1885.

Charma A. «Leçons de logique». Par. 1840.

Comte Aug. «Cours de philosophie positive». T. I—VI. Par. 1842.

— «Synthèse subjective». Paris 1856. «T. I, contenant le système de la logique positive ou traité de philosophie mathématique».

— «Système de politique positive». T. I. Par. 1851.

Condillac «La langue des calculs». Paris.

«Logique de Condillac à l'usage des élèves des prytanées et lycées de la république française» par Noel. T. I—III. Par. 1802.

Crusius Chr. Aug. «Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniss». 2-te Aufl. Leipz. 1762.

Damiron Ph. «Cours de philosophie. Logique». Brux. 1837.

Delboeuf J. «Essai de logique scientifique». Liège 1865.

Delboeuf J. «Logique algorithmique» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. II. 1876 p. 225—252, 335—355, 545—595).

Des-Cartes Renati «Opera philosophica». Ed. quinta. Amstelodami 1670.

Dittes Fr. «Lehrbuch der Psychologie und Logik». 8-te Aufl. Leipz. u. Wien 1882.

Додяевъ-Магарскій С. «Курсъ философіи. Часть первая. Логика». Спб. 1827.

Drbal M. A. «Darstellung der wichtigsten Lehren der Menschenkunde, Seelen- und Denklehre. In drei Theilen. 2-er Th. Praktische Logik oder Denklehre». Wien 1872.

Drobisch M. W. «Neue Darstellung der Logik». 4-te Aufl. Leipz. 1875.

Dühring E. «Logik und Wissenschaftstheorie». Leipz. 1878.

— «Natürliche Dialektik». Brl. 1865.

Duval-Jouve J. «Traité de logique ou essai sur la théorie de la science». 2-me éd. Par. 1855.

Feder J. G. H. «Grundriss der philosophischen Wissenschaften». 2-te Aufl. Coburg 1769.

Fichte J. G. «Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre». Leipz. 1794.

Fichte J. H. «Grundzüge zum Systeme der Philosophie. Erste Abth. Das Erkennen als Selbsterkennen». Heid. 1833.

Fischer Fr. «Lehrbuch der Logik für academische Vorlesungen und Gymnasialvorträge». Stuttg. 1838.

Fischer Kuno «Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre». Stuttg. 1852.

— «System der Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre». 2-te Aufl. Heid. 1865.

Friedrich E. F. «Beiträge zur Förderung der Logik, Noetik und Wissenschaftslehre». Leipz. 1864.

Fries J. Fr. «System der Logik». 2-te Aufl. Heid. 1819.

Gassendi Petri «Opera omnia». T. I. Pars I. «Logica». Lugduni.

Grassmann R. «Die Wissenschaftslehre oder Philosophie. 2-ter Ergänzungstheil. Die Formenlehre oder Mathematik». Stett. 1872.

Hagemann G. «Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887.

Hamilton W. «Lectures on metaphysics and logic». In four vol. Edinb. and Lond. 1870—1876. Vol. III—IV. «Lectures on logic» (second ed.).

Harms Fr. «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881.

— «Die Reform der Logik». Brl. 1874.

— «Logik». Leipz. 1886.

Hartsen Fr. A. «Grundzüge der Logik». Brl. 1873.

Hegel G. W. Fr. «Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Heid. 1817. «Die Wissenschaft der Logik».

— «Werke». Bde III—IV. Brl. 1833—1834. «Wissenschaft der Logik. I Th. Die objective Logik».

— «Werke». Bd. V. Brl. 1834. «Wissenschaft der Logik. II Th. Die subjective Logik oder die Lehre vom Begriff».

— «Werke». Bd. XVIII. Brl. 1840. «Philosophische Propädeutik».

Herbart J. Fr. «Sämmtliche Werke», herausg. v. Hartenstein. Bd. I. «Schriften zur Einleitung in die Philosophie». Leipz. 1850 («Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie». «Ueber philosophisches Studium». «Hauptpunkte der Logik». «De principio logico exclusi medii inter contradictoria non negligendo». «Aphorismen»).

Herschel J. Fr. W. «A prelimi-

nary discourse on the study of natural philosophy». A new ed. Lond. 1833.

Hilaire B. St. «Logique» («Dictionnaire des sciences philosophiques» par une société de professeurs et de savants. T. III. Par. 1847).

Hoppe J. «Die gesammte Logik». Paderb. 1868.

Гротъ Н. Я., проф. Моск. ун., «Къ вопросу о реформѣ логики». Лейпц. 1882.

Гутчесона Франциска «Сокращеніе логики», пер. на Росс. яз. А. Эттеромъ. Спб. 1819 (рядомъ съ переводомъ приведенъ здѣсь и подлинный текстъ).

Jacob L. H. «Grundriss der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik». 3-te Aufl. Frankf. u. Leipz. 1794.

Jevons St. «Elementary lessons in Logic deductive and inductive». Third ed. Lond. 1872.

— «The principles of science». Vol. I—II. Lond. 1874.

Kant Imm. «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794.

— «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869.

— «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 5-er Bd. (Hefte 28—33) «Kleinere Schriften zur Logik und Metaphysik». Brl. 1870.

Карповъ В., проф., «Систематическое изложеніе логики». Спб. 1856.

Katzenberger M. «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858.

Kiesewetter J. G. C. «Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen zum Gebrauch für Vorlesungen, begleitet mit einer weitern Auseinandersetzung für diejenigen, die keine Vorlesungen darüber hören können». I Th. 3-te Aufl. Brl. 1802. II Th. Brl. 1796.

Krause K. Chr. Fr. «Vorlesungen über synthetische Logik nach Principien des Systems der Philosophie». Leipz. 1884.

Krug W. Fr. «Entwurf eines neuen Organon's der Philosophie». Meiss. u. Lübb. 1801.

Laloi P. et Picavet F. «Instruction civique ou philosophie pratique. Psychologie, logique, morale pratique, économie politique, morale théorique, instruction civique». Par. 1888.

Lange Fr. Alb. «Logische Studien». Iserl. 1877.

Leibnitii G. G. «Opera philosophica, quae exstant latina, gallica, germana omnia» ed. J. Ed. Erdmann. Brl. 1840.

Liard L. «Les logiciens anglais contemporains». 2-me éd. Par. 1883.

— «Logique». Par. 1884.

— «Un nouveau système de logique formelle. M. Stanley Jevons» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. III. 1877 p. 277—293).

Littré É. «Auguste Comte et la philosophie positive». 3-me éd. Par. 1877.

Лодій П. «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815.

Loewe Joh. H. «Lehrbuch der Logik». Wien 1881.

Lotze Herm. «Logik». Leipz. 1843.

— «System der Philosophie. I Th. Logik». 2-te Aufl. Leipz. 1880.

Masaryk Th. G. «Versuch einer concreten Logik». Wien 1887.

Mill J. St. «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889.

Милль Джонъ Стюартъ «Обзоръ философіи сэра Вилльама Гамильтона и главныхъ философскихъ вопросовъ, обсужденныхъ въ его тво-

реніяхъ». Пер. со 2-го изд. со всѣми дополненіями, сдѣланными авторомъ въ 3-емъ изд., Н. Хмѣлевскій. Спб. 1869.

Naville Ern. «La logique de l'hypothèse». Par. 1880.

Neudecker G. «Grundlegung der reinen Logik». Würzb. 1882.

Newton Is. «Philosophiae naturalis principia mathematica». Т. III. Gen. 1742.

Новицкій О. «Краткое руководство къ логикѣ съ предварительнымъ очеркомъ психологій». Кіевъ 1844.

— «Руководство къ логикѣ». Кіевъ 1841.

Pascal Bl. «Oeuvres». Т. II. A la Haye 1779. «Pensées».

Platonis «Opera», ed. Didot. Vol. I. Par. 1856. Vol. II. pars I. Par. 1846.

Порѣцкій Л. С. «О способахъ рѣшенія логическихъ равенствъ и объ обратномъ способѣ математической логики». Каз. 1884.

Prantl C. «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870.

— «Verstehen und Beurtheilen». Münch. 1877.

Raab Fr. «Das inductive und ur-sachliche Denken». Wien 1882.

Rabier Él. «Leçons de philosophie. II. Logique». 2-me éd. Par. 1888.

Rabus L. «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880.

— «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868.

Reichlin-Meldegg K. A. v. «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870.

Renouvier Ch. «Essais de critique générale. Premier essai. Traité de logique générale et de logique

formelle». Т. I—III. 2-е éd. Par. 1875.

Ritter Heinr. «Abriss der philosophischen Logik». Brl. 1824.

Рождественскій Н. «Руководство къ логикѣ съ предварительнымъ изложеніемъ психологическихъ свѣдѣній». 5-е изд. Спб. 1844.

Rousselot X. «Études sur la philosophie dans le moyen âge». 3-me partie. Par. 1842.

Рутковский Л. «Основные типы умозаключеній». Спб. 1888.

Schelling Fr. W. «Sämmtliche Werke». I Abth. V-er Bd. Stuttg. u. Augsb. 1859. «Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums».

— «System des transcendentalen Idealismus». Tüb. 1800.

Schleiermacher Fr. «Literarischer Nachlass. Zur Philosophie. II-en Bdes 2-te Abth. Dialektik». Brl. 1839.

Schröder E. «Der Operationskreis des Logikkalküls». Leipz. 1877.

Schuppe W. «Erkenntnisstheoretische Logik». Bonn 1878.

Sigwart Chr. «Logik. I Bd. Die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss». 2-te Aufl. Freib. i. B. 1889.

Simon J. (A. Jaques, J. Simon, Ém. Saisset) «Manuel de philosophie à l'usage des collèges». 2-me éd. Par. 1847.

Спенсеръ Гербертъ «Классификація наукъ». Пер. Н. Л. Тиблена.

Spencer Herb. «The principles of Psychology». Vol. I—II. Third ed. Lond. and Edinb. 1881. Vol. II. Part VI. «Special analysis».

С—скій К. «Труды В. В. Бобынина по исторіи математики» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»). Часть CCL. 1887. Апрель. «Критика и библиографія» стр. 337—342).

Stoy K. V. «Philosophische Propädeutik. Erste Abth. Die philosophischen Probleme und die Logik». Leipz. 1869.

Strümpell L. «Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken». Leipz. 1881.

Струве Г. Ю., проф. Варш. ун., «Элементарная логика». 1874.

Teichmüller G. «Neue Grundlegung der Psychologie und Logik». Breslau 1889.

Thomson W. «An outline of the necessary laws of thought». Lond. 1875.

Trendelenburg Ad. «Elementa logices Aristoteleae». Ed. octava. Brl. 1878.

— «Historische Beiträge zur Philosophie. I Bd. Geschichte der Kategorienlehre». Brl. 1846.

— «Logische Untersuchungen». Bde I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870.

Троицкий М. М., проф. Моск. ун., «Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояние этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ». Кн. I—III (кн. I. Изд. 2). Москва 1886—1888.

Troxler A. «Logik. Die Wissenschaft des Denkens und Kritik aller Erkenntniss». Th. I—II. Stuttg. u. Tüb. 1829.

Trummer Ed. «Lehrbuch der Logik». Wien 1861.

Twisten A. D. Ch. «Die Logik insbesondere die Analytik». Schlesw. 1825.

Ueberweg Fr. «Grundriss der Geschichte der Philosophie von Thales bis auf die Gegenwart». Th. I—III. 2-te Aufl. Brl. 1865—1866.

— «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882.

Ulrici Herm. «System der Logik». Leipz. 1858.

Watts I. «Logique ou le légitime usage de la raison dans la recherche de la vérité», trad. par M. E. Jouffroy. Par. 1846.

Whately R. «Elements of Logic». Reprinted from the ninth (octavo) edition. Lond. 1875.

Whewell W. «Novum organon renovatum». The third ed. Lond. 1858.

Владиславлевъ М. И., проф. Спб. ун., «Логика». Спб. 1872.

Wolfii Chr. «Cogitationes de viribus intellectus humani earumque usu in veritatis cognitione». Ed. nova. Franc. et Lips. 1740.

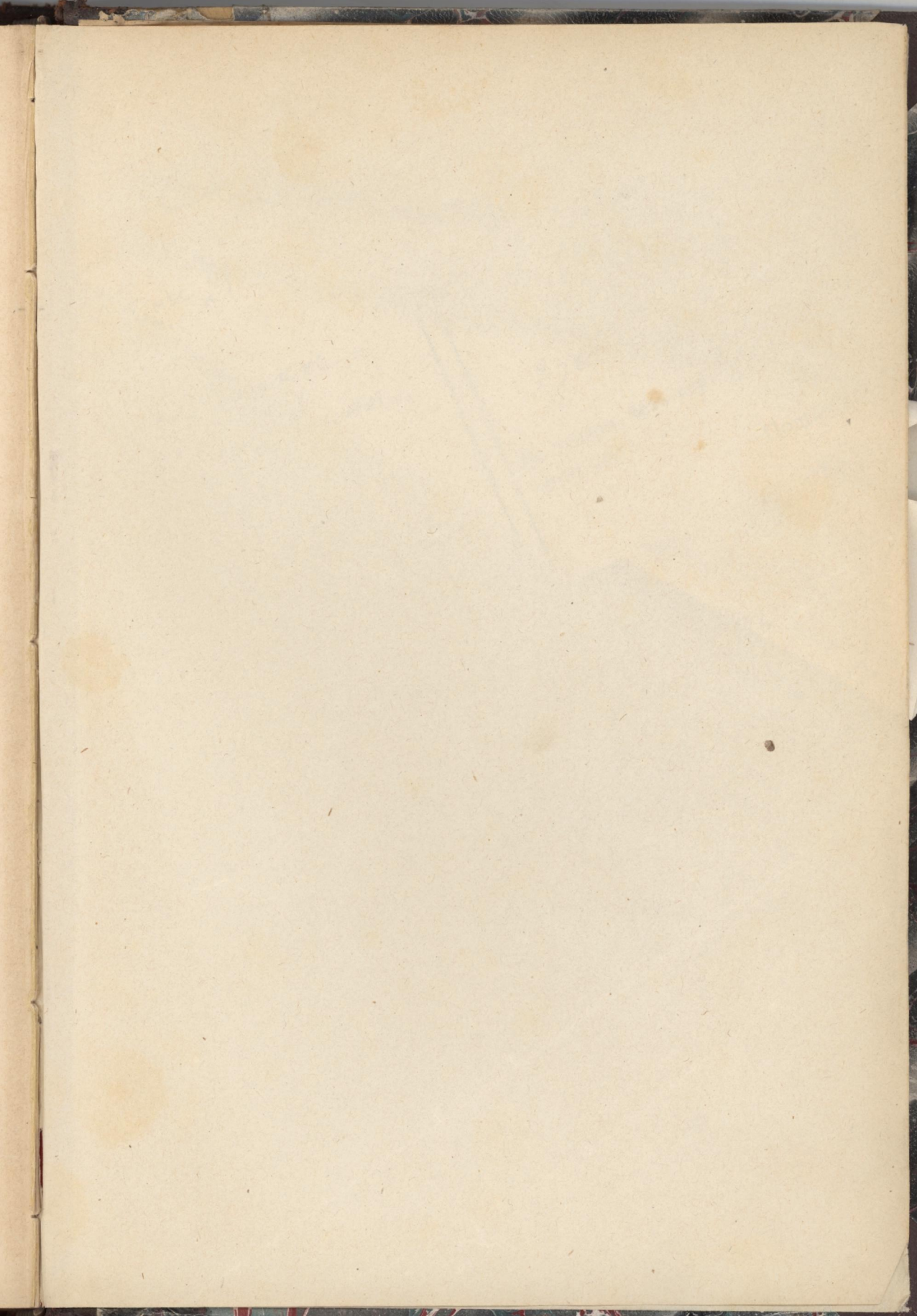
«Philosophiae Wolfianae contractae» tom. I ed. I. Fr. Stiebritz. Haele Magdeb. 1744.

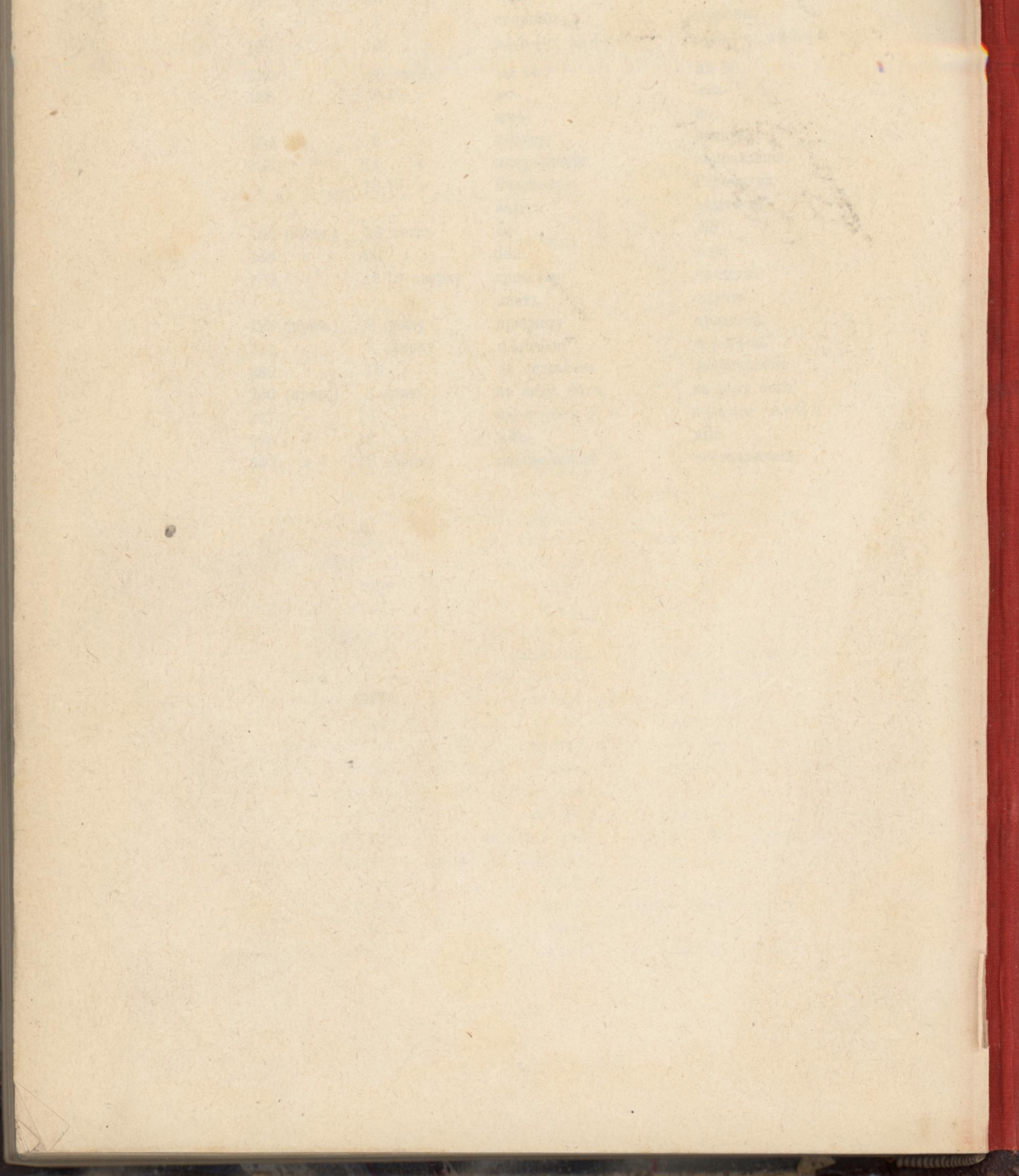
Wolff Herm. «Handbuch der Logik». 2-te Aufl. Leipz. 1888.

Wundt W. «Logik». Bde I—II. Stuttg. 1880—1883.

Zeller Ed. «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. I—II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1859—1862. III Th. I Abth. 2-te Aufl. Leipz. 1865.

Zimmermann R. «Philosophische Propädeutik». 3-te Aufl. Wien 1867.

Tarbo

10. ЯНВ. 1913

Seraga

1-6. ЯНВ. 1914

Семенов

11. СЕН. 1914

Сорокин

5. ДЕК. 1914

Ворошилов

2. ФЕВ. 1915

Дзержинский

25. ОКТ. 1916

Подпись